

Ты за
мел
пот
в это
моей
ми

ТОМ ДАРЫ

Ты за
мел
пот
в это
моей
ми

Bad-boy,

ПОМОЛЧИ

МОЛОДЕЖНЫЙ РОМАН

Дарья Тоин Помолчи, Бэд Бой

<https://litres.ru/74267957>

Аннотация

Ты зажглась желтеньким огоньком в этой серости моей жизни. Надеешься, что я не ухвачусь за тебя? Не надейся. Даже имя твоё рождает зверский интерес заполучить и уничтожить.

Ну привет, так и будешь молчать? Ты сломаешься — я сломаю.
---- Седьмая книга цикла. Герои везде разные. Можно читать самостоятельным произведением. Рав - лучший друг гг-оя из 3-его романа "Ты нарвался!". Внимание: в истории нет подробного описания сцен сексуального характера.

Содержание

Три, два, один...	4
Ноль	11
Первый вдох. Небольшой и неровный	26
Второй вдох. Загазован	33
Третий вдох. Первой иголкой	46
Четвертый вдох. Холодной дрожью	66
Пятый вдох. Хмельной	78
Шестой вдох. Поминутно, построчно	91
Седьмой вдох. Ночной тишиной	105
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Три, два, один...

"Главная проблема – во мне"

Ален Делон.

Рав

[Три]

Долго упирался, отказывался и сквернословил, но слово лучшего друга, а по совместительству – начальника, — закон. И теперь стоять мне целый день при параде листовки раздавать... Где я так накосячил!?

Оделся ещё так кричаще. Брючки, рубашечка, шляпка. Чем не Ален Делон, а? Красавчик, звезда Голливуда! Вот и стоит эта звезда в центре города, на перекрестке, недалеко от какого-то там собора, улыбается всем прохожим, спешащим по своим делишкам, впихивает листовки спортивного клуба. Где. Я. Так. Накосячил!?

На часах только семь утра.

Я стою минут пятнадцать, но уже готов швырнуть эту стопку в ближайшую урну. А в Аккорде на заднем сиденье, между прочим, ещё около тысячи! Как. Я. Мог. На. Это. Согласиться!?

Моя скорпионья натура скоро жалить начнёт, но нет, актер из меня и правда хороший – протягиваю листовку очередной женщине и улыбаюсь... как там Никита сказал? «Доброжелательно и располагающе». Только вот из нас двоих

добренский точно не я.

Зачем ему новые клиенты, а? Почему не нанять промоу-теров? Нашел, блин, тоже мне, бесплатную рабочую силу.

Ладно, хорош. О, точно, тут недалеко сестра у Ника жила с подругой, пока к мужу не переехала. А сейчас там кто? Сдают вроде кому-то.

В наушниках поёт Кобейн свою вечную «*Smells Like Teen Spirit*»:

"Hello, hello, hello, how low?"

[Привет, привет, привет, чего кислая?]

Утренний зной кочегарит открывающиеся магазины, выжигает подъезжающие троллейбусы и прогоняет автобусы с остановки через дорогу. Все проходят мимо, улыбаясь в ответ парню, танцующему под грохочущую из наушников "Нирвану", протягивающему листовки и улыбающемуся... как там? Доброжелательно и располагающе.

Рядом на асфальте сидит Стасик, прислонившись к серости дома середины прошлого века, лыбится беззубой улыбкой, потрёпанной жизнью. Ему скоро на работу – на паперти стоять через дорогу, а пока он смотрит на мои танцы и искренне хлопает в ладоши. Хороший мужик, жаль только, что без ног. Сегодня будем с ним компаньонами, хоть потрещим. Сколько лет я его тут видел, а мимо него всё пробегал, ни разу не остановившись...

О, впереди ко мне по разгоряченному асфальту бежит какая-то девчонка. Судя по всему, опаздывает на автобус. Впо-

пыхах застегивает желтенькую косуху, не жарко? Поправляет каштановые волосы. Замечает наконец мой взгляд, изучающий её семенящую фигурку, и... перебегает дорогу в неположенном месте, не дойдя до пешеходного, который я торжественно оккупировал.

Быстро попрощался с одиноким одиннадцатым маршрутом, увозящим злостную нарушительницу, да и продолжил дальше.

"Hello, hello, hello, how low?"

На часах уже три.

Раз десять охлаждался в машине, но парящее солнце испепелило всю мою самоуверенность. К черту! Ещё и этот грёбанный костюм. Здесь бы в плавках одних плясать, авось и клиенток бы завтра в зале прибавилось.

Стасик через дорогу устало жуёт подогнанный мной пирожок с фаршем, изредка посматривает на меня и кивает в знак поддержки. Да, я чувствую себя как после двухчасовой пробежки, а всего-то стою весь этот грёбанный день на одном месте и гоняю по кругу Кобейна.

Ещё немного, Рав. Терпи.

О! Какая знакомая утренняя косуха вывернула из-за автобуса с гордой циферкой "Одиннадцать" на лобовом..

Ну привет! Эй, посмотри на меня! Я ещё бодр и свеж, как не вышколенный жеребец.

Девушка останавливается у светофора, наконец смотрит по сторонам и замечает меня прямо напротив с другой сто-

роны проезжей части.

Ну привет! Улыбнись тебе.

Даже отсюда, блин, заметил, как вздрогнула и повернулась на девяносто градусов. Проследил за удаляющейся фигурой, что метров через двадцать вновь перебежала дорогу в неподложенном. Ха, забавно!

Пять вечера.

Последняя стопка скоро закончится. Я уже еле держусь на ногах и мысленно дожариваю Никитку на костре. Мой аккорд манит к себе в прохладный салон, Стасика, минут двадцать как, забрала его свита – подсчитывать заработанный куш. Ещё нем-но-го!

Выбрасываю огрызок наливного яблока, что протянула мне сердобольная продавщица из соседнего ларька за красивые серые глаза и шуточки, искрящиеся из меня весь этот долбаный день.

Возвращаюсь на место и чуть ли не вскрикиваю от радости, надвигающейся на меня... Смотрит себе под ноги и не замечает ничего вокруг, убирает волосы в хвост, наматывая резинку. Снова куда-то торопится в своём сереньком облегающем платье... и проходит мимо моей вытянутой руки. Недолго думая, крикнул ей вслед:

— Вот мы где наконец-то встретились...

Сработало! Разворачивается и поднимает свои карие глазки с длинными ресничками. Всматривается в лицо и, не найдя во мне ничего важного, почти решается уйти.

— Вот мы где наконец-то встретились! Какую программу хочешь? Кардио, силовую, а может... меня?

Девочка нервно хихикнула и выдернула свою руку из моих цепких пальцев, поглаживающих её кисть и оставляющих на прощание свёрнутую листовку. Развернулась и, не говоря ни слова, качнув на прощание бедрами, перебежала дорогу... Да, снова в неподобающем месте.

"Hello, hello, hello, how low?"

[Два]

Стою возле входа в одно популярное кафе, где за столько лет уже стал постоянщиком. Ощущаю источаемый аромат наваристого мясного бульончика, впитавшегося в мои волосы. Сушусь под вечерним солнцем, изучая случайных прохожих.

В следующий раз точно не буду заказывать суп, собираюсь поставить на место очередную красотку. Снова еле выдержал неделю — снова ничего интересного. Я выгорел, как всегда, за два последних дня, насладившись вкусом победы в дешёвой игре, что она, как и все, посчитала за отношения... Смешно.

Кто-то бежит с работы, кто-то ругается, что не успел на мигающий зелёный, и чуть под колёса не бросается, вовремя одумавшись, а ждать до следующего почти две минуты. Дамочки спешат из соседнего торгового центра... о, смотри-ка, не дамочки.

Сегодня не в косухе? Только то самое серое платье. А

неплохая фигура, неплохая... Девчонка несёт впереди себя пакет из не самого дорогого магазина брендовых конвейерных шмоток и снова сосредоточенно смотрит лишь себе под ноги. Как интересно...

Уже решаюсь идти, но, видимо, мои флюиды наконец-то доползли и до неё. Поднимает голову и замирает, встретившись с моим взглядом. Три, два, один..

Делаю шаг навстречу, снова дёргается и сиюминутно подносит откуда-то взявшийся смартфон к уху, стремительно зашагав в направлении пешеходного перехода. Правильно, только больная бы стала перебегать кольцевое.

Аж Кобейн опять запел:

"Hello, hello, hello, how low?"

[Один]

Слоняюсь туда-сюда от индивидуалки к индивидуалке, строю глазки и фальшивенько обворожительно улыбаюсь тренирующимся в основном зале клиенткам. Надоело уже, год от года одно и то же, вообще ничего нового и интересного. Ну разве что жена Никитки, появившаяся в прошлом году. К счастью, на жен чужих у меня табу, не считая одну выпотрошенную селёдку... да не будем об этом.

— Что задумался, аборигенчик? — Орет на всё Белинско-го новоявленная жёнушка лучшего друга, откидывая свою рыжую шевелюру назад и выпячивая свой шестой, вроде как, месяц вперёд, подпирая ручками с острым маникюром. Понятно, почему у Никитки спина разодранная...

— Сгинь, ведьма! — Улыбаюсь я Лесечке и машу рукой из своего закуточка. Она подходит к Лидке — местному администратору — и помогает пристроить кого-то, кого мне особо и не видно.

Подстрекаемый чистым любопытством выныриваю из-за колонны и узнаю неплохую задницу, что провожал взглядом всю эту неделю.

Леська, не почуяв пока неладное, (любит она от меня баб отваживать, ведьма — одним словом), спрашивает у, зуб даю, той самой девчонки её контактные данные.

И... та-дам... сквозь шум голосов, вздохов и бренчащих гантелей я точно слышу манящее, нежное, ненавистное:

— Екатерина...

Леся оборачивается ко мне, предчувствуя запах возможной крови, и орёт моим ликующим бабочкам:

— Фу! Равиль! Даже не думай! Не думай, я сказала!

Амбразурой своей грудной клетки закрывает новую цель, что, не подозревая о грядущем, ещё что-то спрашивает у администратора, но уже, блин, поздно... Отсчёт закончен.

Девочка влипла. Девочка попалась.

"Hello, hello, hello, how low"

Ноль

"И только имя твоё я в кармане ношу,

Никому не расскажу, не поведаю быль."

(Колизей – "Имя твоё")

Рав

Слышу, как Лидочка один за другим хвалит наших тренеров, пока Леся своими алыми губами беззвучно посылает меня куда подальше, но явно не к ним. Стану слушаться? Да не дождутся.

— Лид, а про меня не забыла?

Оказываюсь совсем близко, Леся шепчет проклятия, хватается за голову, разворачиваясь на 180 к названной ранее причине моего улучшающегося настроения.

— Забудешь про тебя... – кидает Лида, стараясь, как обычно, не зарычать на меня перед посетителями и сохранить на разрисованном лице располагающую улыбку, – Екатерина, это..

— Даже не думайте к нему идти! – Перебивает Леся и не даёт договорить Лиде, которая, как пить дать, этому очень рада.

Девочка тем временем наконец оборачивается ко мне, поднимает голову, едва заметно вздрагивает и отворачива-

ется обратно.

— Между прочим, у меня нет плохих отзывов. — Улыбаюсь я всё сильнее. — Что бы Вы хотели, Екатерина? С какой целью пришли к нам? Может быть, — я хочу ещё больше съязвить, замечая, как напрягаются её плечики, но продолжаю как можно спокойнее, — у нас очень популярен пилатес, и, знаете, совсем недавно открылось новое направление — Poly Dance. Кстати, занятия ведёт одна из лучших танцовщиц нашего города. Не интересно?

— Равиль! — Шипит Лидка, прекрасно зная, зачем я предлагаю обычно посетителям поучиться акробатике на пилоне.

А это, между прочим, тяжёлый труд, где грация, изящество и просто красота движений оттачивается как минимум месяцами. Настоящее искусство, на результат которого простым обывателям можно смотреть часами... ну если бы я мог так долго просто смотреть на девушку, конечно. Пока вот не получалось.

— Не мешай нам работать, пожалуйста.

Новая знакомая снова не отвечает. Леся что-то шепчет ей чуть ли не на ухо, та в ответ явно поддакивает. Ну значит, говорить точно умеет, а то мало ли. Опираюсь о колонну и жду хоть какой-то развязки.

— Так, можете ходить только во вторник, среду и четверг?

Девочка кивает в знак согласия.

— Я в эти дни свободен! — Безбожно вру, получая в укор тяжёлый взгляд администраторши и жест ручкой от бере-

менной мадамы.

— Вам в какое время было бы удобнее? — Уточняет да-ма-мадама.

— Утром. — Доносится трепет арфы до моих перепонок, подавая идею для нового комплимента этой малышке.

— Я свободен, Лид. — Повторяю, получая в ответ ту же реакцию.

— Даже не надейся. — Добавляет к жесту Леся. — Я уже на-шептала, что с тобой лучше дел никаких не иметь, особенно ей. Правда, Екатерина?

Девочка наконец прерывает нашу небольшую перепалку.

— Простите, но я тороплюсь, не могли бы мы уже закон-чить? Запишите меня, пожалуйста, на занятие по боксу во вторник в девять часов, хорошо? Ещё, если можно, плавание в среду и, так уж и быть, пилатес в четверг. Сколько с меня?

Ух, какая длинная симфония. Так бы слушал и слушал её.

Лида быстро подсчитывает, распечатывает план занятий на месяц, где в каждой строке вторника черным по белому отпечатано «Светошев Никита Федерович», получает огово-ренную сумму и любезно прощается с девушкой, что уже за-семенила к выходу. Куда это она так спешит?

Отдаляюсь от колонны и получаю тычок в грудь от рыжей ведьмы, верящей в то, что просчитала все возможные ходы.

— Ты даже не надейся подговорить Никиту и поменять-ся с ним во вторник! Вы у меня тогда оба за уборщиков до конца года будете, понял? Я буду следить за тобой, макака

ты местного разлива.

— Я же говорил, что не местного. — Уточняю и увожу её на кухню пить чай.

Достаю из холодильника тортик, проношу прямо перед её носом, ставлю на стол. Вскрываю упаковочку и подвигаю к ней, пока она старается грациозно упасть на рядом стоящий стул.

— Даже не думай, что задобришь меня таким образом!

Протягиваю ей одинокую ложку, включаю чайник, достаю две кружки.

— А ты? — Налетает на сметанное нечто.

— Я на сушке с сегодняшнего дня.

— Курица и кефирчик? Так вот почему Никита..

Кивнул.

— Ты его своими пирогами раскормила..

Улыбнулась... наливаю кипяток, ставлю на стол, приземляюсь рядом, поджимаю ногу к себе и постукиваю подушечками пальцев по стеклянной столешнице, выбивая ритм той самой песни, что не даёт мне покоя уже с неделю.

— Рав. — Обрывает ход мыслей Леся, заставляя вспомнить о её существовании.

— Что опять?

— Когда ты уже отпустишь её?

Отпиваю глоток, в очередной раз зарекаясь больше не пить горячий. Потираю обожженную губу. Улыбаюсь тому, как этот пирожок уплетает торт. Стану к осени дядей, и что

тогда?

— Я давно уже забыл и отпустил.

— Кому ты врешь? Ты бы своё лицо видел сейчас.

— Может, просто девушка эта понравилась. Нет такого варианта?

Леся кривит губы, отламывая ещё один кусочек и спокойно произносит:

— Пойми уже, что не все такие, как твоя бывшая.

— Которая из? – Шучу, не желая больше ворошить прошлое. – Ладно, Лесь, ты отдыхай. Никита как раз скоро освободится, я пойду пока..

— Я предупредила Лиду, чтобы та даже не думала давать тебе её контакты.

Рассмеялся.

— Вот же ведьма, а!

— Равиль. – Смотрит в глаза. – Это всё ради тебя. Перестань уже мстить прошлому и отыгрываться на всех, кто попадет тебе под руку.

Встаю из-за стола, выливаю чай в раковину, ополаскиваю кружку, намереваясь уйти.

— Лесь, не забывай, я сеанс психотерапии не заказывал, извини.

— А стоило бы уже.

Выхожу из кухни и как можно спокойнее иду к выходу. Стараюсь не хлопнуть дверью и также тихо дойти до машины и сесть внутрь.

Тихо. Спокойно, Рав.

Телефон как раз удачно зазвонил, подключаю к USB и вывожу звонок на экран. Принимаю вызов, полностью совладав с эмоциями.

— Да, мам.

— Ты не занят?

— Нет, уже освободился.

— Хорошо, я что звоню... ты не мог бы заехать к нам в субботу, я для Лесечки вещи нашла твои.

— Мама!

— Ну, не упрямясь. Она не против их взять, они в тот выходной заезжали с Никитой, а от тебя я похоже не скоро внуков дождусь в твои-то почти 27..

— Всё, отключаюсь.

Скинул звонок. Недолго думая, набрал СМС, соглашаясь заскочить в выходные. И зачем, скажите мне, Светошевым нужно это старое тряпье? Всё равно же всё новое решили покупать.

Только развернулся на встречную полосу, как впереди у остановки заметил мельтешащую девчонку, активно жестикулирующую и чуть ли не кричащую что-то в трубку. Опаздывает, значит, ну-ну, заметно. И как быть?

Проехать мимо или застать врасплох? А что я, собственно, теряю? Правильно. Ничего.

Подъезжаю к обочине и оставляю машину на аварийке, стараясь не сильно хлопнуть дверью и не испугать явившие-

еся видение. Она вновь хватается за голову и резко оборачивается ко мне. Улыбнулся, перепрыгивая через высокий бордюр.

— Екатерина, Вас подвезти?

Девушка сжимает губы, опускает замершую возле лба руку и отключает звонок, даже не попрощавшись. Любит она, кажется, уходить по-английски.

— Нет, спасибо.

— Неместная?

Приподнимает бровь. Судя по всему, опять прав.

— Все в округе знают, что днём здесь автобус не дожدهшься. Пару рейсов пускают только на утренние и вечерние часы, ты сюда, наверное, как раз на последнем автобусе и приехала... тебя подвезти?

— Нет, спасибо. – Заладил её полненький ротик, набирая в телефоне что-то. Такси? Ну, конечно. – Девушка, здравствуйте, остановка на Белинского в сторону центра. На Красную..

О, какой знакомый адрес. Тот самый дом, возле которого раздавал в начале недели листовки, куда пару раз по юности после тренировок заходил с Никитой на чай с плюшками.

— Садись, подвезу.

— Нет, спасибо. И я на «ты» с Вами не переходила.

Улыбнулся. Отошёл немного, сел на скамейку. Смотрю на неё. Совсем юная же еще. Сжимает руки на груди в явной нерешительности, хочет так спрятаться и старается во-

обще избегать моего прямого взгляда, едва уловимо вздрагивая от каждой проносящейся мимо машины. Хотя и старается казаться сильнее, чем есть, но нет в ней ещё напускного безразличия ко вполне невинному происходящему, что поголовно встречается у более опытных девушек. Неужели... неопытная... девственница поди? Усмехнулся. Ну не первой в принципе.

— Сколько тебе?

Упрямится.

— Так и будешь молчать?

Кивнула. Рассматриваю черный брелок с серебряным логотипом любимой марки – английская «Н» с едва заметными скруглёнными краями. Просто и лаконично. Посмотрел на неё.

— Думаешь, съем тебя?

Поджала губы в полной решимости не отвечать.

— Снимаешь квартиру здесь?

Опять молчит.

— Судя по потрепанным кроссовкам деньги особо не водятся, а на такси тратишься...

Отвернулась в противоположную движению сторону и делает вид, что рассматривает стенд с выцветшими объявлениями.

— Кать.

Дрогнула. Ждёт, что буду также дистанцию держать? Вот ещё. Как же... ненавижу это имя. Сколько лет прошло, столь-

ко воды утекло. А до сих пор каждую Катеньку хочется перемолоть и выплюнуть.

— Сколько тебе? Восемнадцать, девятнадцать?

— Двадцать один. — Удостоила ответа, недалеко ушёл. —

И перестаньте, пожалуйста, со мной разговаривать...

Да сладкая какая...

— Снимаешь квартиру? Какой подъезд?

— Отстаньте, пожалуйста.

— Садись в машину - учись экономить и не отказываться от бесплатной помощи.

Резко разворачивается, уже решаясь съязвить, но захлопывает ротик, верно считав мою довольную улыбку.

— Либо сядишься сама, либо еду за тобой.

— Отстаньте.

— А то что?

— Больше не приду.

Не сдержал смешок.

— Тоже мне угроза. Будто напугала этим. Садись, я не обижаю маленьких девочек.

Рядом притормаживает белое такси с желтыми шашечками, девочка срывается с места и уже через пару секунд захлопывает за собой дверь. Слишком сильно. Слишком громко.

Провожая машину взглядом. Медленно встаю со скамейки, иду к мигающему фарами "Аккорду". В конце концов, я предупреждал.

Катерина

Водитель насвистывает какую-то мелодию, включает кондиционер и косится на меня.

Я стараюсь держать спину ровнее, но внутри всё сейчас готово выпорхнуть наружу. Если у меня и есть инстинкт самосохранения, то это именно он сейчас и всю эту неделю запускает в моем организме цепочку ответных реакций на каждое приближение этого сумасшедшего.

— За нами машина какая-то едет прямо с остановки, это за Вами? — Немного притормаживает.

— Не останавливайтесь, пожалуйста.

Водитель кивает и продолжает плестись, собирая на своем пути откуда-то взявшиеся пробки.

Как этот Равиль вообще понял, что я неместная? И кроссовки у меня нормальные... тоже мне, сыщик.

— Простите, а я похожа на иногороднюю? – Спрашиваю дедушку пенсионного возраста, прекрасно усвоив за весь свой опыт работы, что в большинстве случаев таксисты очень любят поговорить.

Тот даже свистеть перестал, придиричливо осмотрел моё лицо, улыбнулся и произнёс:

— Да вроде нет. А ты, это, откуда?

Перевела тему, спросив, много ли заявок сейчас и как давно таксует. Тот, конечно же, начал рассказывать, что бывало и лучше, поочередно сообщая о всех своих детях и внуках, что только благодаря ему одному и держатся. Так и доехали с

ним до дома. Расплатилась, оставив ему небольшую сдачу на мороженое. Вышла из машины. Только ступила пару шагов, как позади раздался звук шаркнувшего обо что-то железа. Оглянулась, та самая машина собирает все кочки и ямы нашего двора. Ещё и мигает мне дальним.

Нет, это уже сталкер какой-то! Этого мне ещё не хватало. Сбежать сейчас? Да, ноги в руки и вперёд, Катя!

Но вместо этого я отхожу к тротуару, давая возможность таксисту наконец развернуться и уехать отсюда, и смотрю на водителя Хонды почти немигающим коченеющим взглядом.

Глушит машину прямо посреди двора, выскакивает и несётся на меня. Уже только от одного этого готова подорваться до дома, но, думаю, он и погнаться следом сможет. И едва ли я смогу далеко убежать, судя по реактивной скорости его приближения.

Встаёт рядом, излишне радостно оглядываясь по сторонам.

— Никогда больше не садись в такси на переднее сиденье. Упираю руки в боки, чем ещё больше смешу его.

— Уезжайте немедленно!

Стараюсь не поднимать лишний раз голову и смотрю на ошмётки асфальта под ногами.

— Это такой спектакль сейчас для меня?

Ничего себе самомнение. А губа не лопнет?

— Что?

— Строишь из себя недотрогу?

Удивлённо хлопая глазами и перевожу взгляд на него... Стереть бы с лица это выражение. Какой он высокий всё-таки. Он же на самом деле симпатичный. Точнее... знающий об этом и наслаждающийся тем трепетом, что может вызвать его обманчивая внешность. Серые глаза, скулы, выверенные черты лица..

— Так и будешь молчать?

Кивнула.

— Запомни тогда ещё одно – если тебя кто-то преследует, надо драть со всех ног, а не стоять истуканом. – Говорит он, растягивая на лице явно не доброжелательную улыбку. – Дай свой телефон.

— Вот ещё, а ключи..

— От квартиры, где деньги лежат? Можешь пока оставить себе. Но судя по всему, сбережений там нет, верно?

Вот же...

Собственно, а что я хотела-то, остановившись сейчас? Он похоже совсем ничего не понимает. Разворачиваюсь и ухожу. Но шагов через десять меня догоняют и нагло разворачивают за руку.

Выдергиваю ладонь, ощущая зашкаливающую от резкого притока крови пульсацию, отдающуюся рикошетом в уши.

— Да что Вы себе..

Он ухмыляется, смакуя каждое брошенное слово.

— Ты. Мне. Понравилась.

Попятилась, уткнувшись в калитку из черных железных

прутьев.

— Поэтому лучше дай телефон сама. Иначе залезу в личное дело.

— Отстаньте, пожалуйста.

Снова улыбнулся и слегка приблизился ко мне.

— Я ещё даже не приставал. – Даже не думает взгляд поднять с губ. – Приходи во вторник, иначе буду сутками караулить. Договорились?

Точно! Ненормальный. И что делать? Уператься дальше? Нет, лучше просто кивнуть. Не стоит лишний раз его провоцировать.

Да, именно так. А теперь разворачиваемся и пытаемся открыть несчастную калитку. Тихо, спокойно, не дергаясь под его чёрствым взглядом. Просто доходим до двери спокойным шагом, ищем ключи, открываем подъезд, залетаем внутрь, не оборачиваясь и хватаемся наконец за перила у лестницы... Тихо. Спокойно. Такие подолгу не задерживаются, найдет себе цель интереснее, красивее и умнее и исчезнет. Всё закончится. Так что... тише. Не боимся.

Рав

Подъезд, кстати, тот же. За столько лет ничего не изменилось. Слишком много совпадений на один квадратный метр. Может, она же и снимает? Надо у Никиты спросить, вдруг знает что-нибудь.

Возвращаюсь к машине, о, я её даже не заблокировал, са-

жусь внутрь, раздражаясь от мысли, что снова сейчас задену защитой все эти дурацкие выбоины. Ну, сам знал, на что шёл, покупая машину с таким низким клиренсом.

Интересно, как быстро она сдастся и перестанет строить из себя не пойми что? Посмотрим.

Набираю номер друга, тот уже должен был освободиться. Из трубки почти сразу раздается:

— Эй, ты уехал что ли? Тут Леся про какую-то девушку рассказала..

На заднем плане кричит великий рассказчик: "Не какую-то, а Екатерину. И даже не думай, Равиль, на неё смотреть, Сансу спущу!"

Вот же рыжая ведьма. Грозится ещё пастью своей собачатины, что в первый день знакомства мне чуть... ой, да неважно, что она мне там чуть не откусила.

— Скоро буду. Никит, слушай, у тебя сестра на Красной жила, да?

— Ну?

— А Аня её ту квартиру сдаёт сейчас?

— Вроде. Она же как-то осенью ещё говорила, что студентку к себе пустила. Не помнишь? Хотя куда тебе...

"Студентку", значит... Ладно, разберусь.

— А что? Квартиры своей стало мало? — Острит счастливый будущий папаша, пока на заднем плане смеётся причина его вечно хорошего настроения.

— Да нет, просто мимо проезжал, вспомнил... Ладно,

Ник, скоро буду. Спроси у своей, надо ей что-нибудь в магазине купить...

— Докторскую купи! — Выкрикнула Леська под разрастающийся смех лучшего друга. Ну докторскую, так докторскую.

Отключился, выворачивая из закутков дворика этого дома, посещать который явно придется ещё далеко не раз.

— Значит, до вторника, Кать. Посмотрим, что ты из себя представляешь.

Первый вдох. Небольшой и неровный

Рав

Долго оттягивал этот момент. Впрочем, как всегда. До последнего не хотел возвращаться домой. Собрал пару баров, совратил пару дам постарше себя, оставил их, завалился в пустой зал. Вспомнил, что Никитка женился и больше здесь не ночует. Хотел вызвонить Димку, но тот же женится в эту пятницу, и ему, черт возьми, не до старого друга, что с дуру бесится, как обычно.

Можно было бы заснуть в машине, но утром не хочется собирать свою спину по кусочкам, да и, если честно, где бы я не засыпал, итог будет один.

Куда бы я не уходил, где бы не забывался и у кого бы не ночевал, с собой я беру себя самого, а это похуже палёной водки.

Подъезжаю к старенькой трехэтажке, что пленные нацисты строили в середине прошлого века. Глушу мотор, выдыхаю, захлопнув дверь слишком громко. Здравуюсь с курящим у подъезда Сашкой, что в своих кругах величают «Гризли», обмениваюсь с ним парой фраз, захожу в темноту этого дома, пропитанного сыростью, гарью, как всегда – газом и толикой кошачьих испражнений. Забегаю на лестничную

клетку, подхожу к двери. Подпираю её ногой, попадаю с третьего раза в замочную скважину, дёргаю за ручку.

Вхожу в тягостную темноту длинного коридора, скидываю с себя кроссовки и сразу же разделяюсь с футболкой, стаскиваю штаны, запинаясь о ножку старого трельяжа, едва успевая схватиться за косяк вечно открытой двери ванной. Захожу внутрь, не включая свет стаскиваю носки, боксеры, включаю воду, залажу в это издававшее лучшие годы корыто. Ложусь и стараюсь сейчас отогнать желание утонуть и захлебнуться, вцепившись в изорванную шторку ванной. Вода медленно обволакивает каждую клетку, оставляя меня со своими мыслями. Единственное, на что я способен этой гребаной ночью – не слишком изящно подохнуть. Но и на это у меня не хватит силенок.

Задерживаю дыхание, вода всё поднимается и поднимается. Темная шевелюра уносится ввысь, поддаваясь ритму какого-то танца, я напрягаю костяшки и наконец закрываю глаза, отдаваясь гулу этого круговорота.

Прочь.

Уходи.

Исчезни.

Выметайся.

Давай, мальчик, тони. Давай, мальчик, делай истошный вдох. Давай, хватайся пальцами за край ванной. Давай, мальчик, изгибайся. Ты же можешь... Только не выныривай.

Не смог? Трус. Ну, открывай глаза. Успокаивай бьющееся

наконец сердце, тяжело дыши и впервые почувствуй за этот день, что всё-таки ещё хочешь жить. Хочешь же, потому и трусишь.

Исчезни.

Как там она сказала? Ничтожество. Неудачник. Никчемная тварь. Продолжить?

Скидываю кистью остатки воды, протираю лицо, всматриваясь в темноту. Зрение уже приспособилось и даже подсказывает моему задолбавшемуся мозгу, что передо мной просто кран, из которого изредка падает пару капель ледяной воды. Всего-то кран.

Выныриваю из ванной, цепляя с вешалки первое попавшееся полотенце.

Накидываю халат и ухожу на кухню, откопав в слабом свете холодильника непротроганный пакет кефира. Оборачиваюсь к окну. Замечаю, как в пятиэтажке на третьем между четвертым и шестым окном вновь отпрыгивает девчонка, чтоroduху мне не даёт с её пятнадцатилетия. Следила. Опять. Забавно..

Запахиваю халат ради приличия, но в принципе, можно и не стараться, едва ли в этой мгле можно хоть что-то разглядеть.

Ухожу в зал, падаю на диван, что давно уже должен был развалиться от моих посягательств. Стараюсь абстрагироваться и не замечать голосов за почти что картонной стен-

кой. Снова соседи начинают жизнь в полночь. Снова ссорятся мать и сын, не поделив домашний быт. Ему бы съехать давно, а он всё сидит и сидит на её обеспечении и пособии по инвалидности.

Закрываю глаза...

Снова ты. Убирайся. Уходи. Исчезни.

Господи, пожалуйста. Уходи. Хотя бы сегодня.

Мысли мои просты. Словами не описать. Где-то живёшь в мире ты, одним этим заставляя молчать. Где-то живёшь и дышишь, спокойно смотришь в окно. Ты опять не услышишь. Тебе, как всегда, всё равно. Мама, прошу тебя, эй! Словами не передать... Слово не воробей... Улыбнись и скройся... опять...

Три часа ночи. Вскакиваю, прогоняя дурное наваждение. Ухожу на кухню, снова достаю кефир, выпиваю залпом прямо из пакета. Выкидываю в урну, оборачиваюсь к окну... Она перестанет когда-нибудь?

Снова шевеление между четвертым и шестым..

Неужели совсем не понимает, что я их всех ненавижу? Плевать. Не до неё сейчас. Пусть хоть сутками возле дома караулит, говорил же не раз, что несовершеннолетних дурочек не трогаю.

Ухожу в комнату, отрываю в шкафу чистое бельё. Выуживаю джинсы с футболкой, беру ключи с полки, уронив заод-

но в крошечной мгле всё её содержимое. Коридор мгновенно наполнился ароматом моего парфюма. Прекрасно, этого ещё не хватало... хруст стекла под ногой. Вроде не проколол... Выхожу, захлопнув дверь. Сбегаю на улицу, включая автозапуск. Сажусь за руль, убираю с нейтралки, вслушиваясь в тихое урчание давней мечты. Тихая ночь, красная подсветка спидометра... Уезжаю отсюда.

"Hello, hello, hello, how low?"

Открываю железную дверь своей любимой работы. Захожу за стойку администратора. Включаю ноутбук, ввожу неизменный пароль. Нахожу на сервере папочку с данными клиентов. Отсеиваю ненужных новичков за сегодняшний день.

Вот она. Нашел наконец-то. Вчитываюсь в её небольшое дело.

— Так. Ты у нас — Екатерина Васильевна Левинская, 5 мая родилась, значит. Да, точно, двадцать один.

Выключаю всё, достаю из подсобки одеяло с подушкой, заползаю на маты, пытаюсь безрезультатно заснуть.

Через час не выдерживаю. Беру телефон и ищу её профиль в одной социальной сети. Долго искать не пришлось, правда страница от посторонних глаз почти полностью скрыта, но яркий зелёный шарик продолжает мигать, сколько я на него ни смотрю.

Похоже, не одному мне нынче не спится.

Катерина

Только зашла домой. Уже начало светать. Нет, всё-таки придется менять работу. Едва ли протяну так до конца года. Хотя и платят неплохо, но контингент, этот ненормированный график, весь этот постоянный аврал, что приходится на пятницу и субботу, выбивает из колеи на всю следующую неделю.

Сегодня только разобрали склад, что за четыре свадьбы подряд превратился в огромную помойку с протухшей водой из-под цветов, обляпанным оазисом, расплетенными лентами и горой грязной посуды из Кэнди Бара.

В принципе, мы даже быстро справились..

Только почему я каждый раз прихожу и пытаюсь не зареветь от навалившейся усталости? Я же не слабачка какая-то, не такое выдерживала, но почему так, а?

К черту. Утром всё равно начинать неделю заново. Снова день проведу за компьютером, снова съезжу на пару встреч вместе с Натой.

Черт, хочется всё бросить.

Если бы кто-то мне сказал, что устраивать чужое счастье — это просто неблагодарное занятие, я бы раньше лишь рассмеелась. А сейчас... да, черт возьми, да.

Ладно. Надо, как обычно, выдержать планку, сходить в душ и хоть немного поспать.

Ещё и со вторника ездить в зал. Блин, могла бы выбрать место поближе и подешевле, но нет же. Подумала, что судьба впихнула в руки листовку. А это не судьба вовсе, а поме-

шанный какой-то. Блин, могла бы и по фигуре его догадаться, что он далеко не промоутер.

Ладно, деньги заплачены. Раз решилась наконец заниматься на людях, надо отходить хотя бы месяц... Ох, даже страшно немного...

Второй вдох. Загазован

Катерина

— Кать, расслабьте плечи. – Вторит мне снова Никита Федорович. – Переносим центр тяжести и стараемся бить не рукой, а всем корпусом. Понимаете разницу?

Да ничего я не понимаю! Пробую — снова не получается. Ну как так!? Не могу. Вся взмокла за этот час. Такое чувство, что я просто пробка, застрявшая в горлышке бутылки, которую в бой курантов пытаются выкрутить всем, что только попадётся под руку. Не понимаю!

Мне немного стыдно за свою неуклюжесть... и от этого я становлюсь, очевидно, ещё глупее. Ошибаюсь во всем, начиная от простого сжатия кулака, до расположения ног. Ну как это запомнить? Кто знал, что всё это не так просто..

— Кать... не так. – Вновь повторяет тренер, что, к слову, оказался не таким уж и старым, как я его себе представляла. Точнее – совсем даже не старым.

Держится на ринге с завидной уверенностью, отвечает на многочисленные вопросы и помогает всей собравшейся пятерке, что уже неплохо справляются, не то, что я.

Выдыхаю, проводя по сырому лбу перчаткой.

— Всё. Все молодцы. Заканчиваем.

Наконец-то! Готова рухнуть сейчас прямо тут, но лучше бы доползти до душевой и тихо скатиться там по стеночке.

— Екатерина, останьтесь.

Все проходят мимо, бросая на меня изучающие взгляды, безрезультатно пытаюсь нацепить на своё лицо хоть что-то живое и повернуться к нему.

— Для первого раза молодец.

Слабо улыбнулась.

— Техника со временем придет, ты не переживай. – Начинаю нервничать из-за того, что ещё и он перешёл на "Ты". Может, это место такое? – У меня жена в первый раз себе чуть руку не вывернула.

Слава Богу, женатый. Наверное, просто приветлив, нечего бояться.

— Так вот, смотри, в чём тут разница..

Делает шаг ко мне, инстинктивно заставляя отшатнуться. Встревоженно смотрит, не понимая, почему я..

Дверь вдруг хлопнула. Оглянулись.

Снова он. Принесла нелёгкая... я уже поверила, что отстал и переключился. Судя по довольной улыбке, отвечающей в мою сторону, этого мне явно ждать не стоит.

— Никит, Вы продолжайте, я тут посижу.

Заскакивает на ринг и наглым образом садится в угол, поджав ноги к себе.

— Ну и что ты тут... — кричит в ответ тренер, но замирает, обернувшись ко мне, – о, точно! Я и забыл. Ты та самая Катя?

— Можно мне идти уже?

Чувствую, как в дальнем углу чокнутый ухмыльнулся.

— Подожди. — Прерывает молчание, судя по всему, его близкий друг. Иначе как ещё объяснить эту фамильярность? — Так. Сейчас покажу.

Оборачивается.

— Рав, иди сюда.

Вскакивает, в два счета оказавшись рядом. Да зачем со мной-то вставать, а? Отошла от него подальше.

— Кать, смотри. Когда ты работаешь только рукой, получается примерно это. — Он выкидывает руку и едва касается щеки Равиля.

— Запомнила?

Кивнула.

— А когда переносишь весь корпус, оставаясь при этом в одной точке, получается примерно следующее.

Подаётся вперёд туловищем и со всей силы впечатывает кулак прямо в челюсть... мать вашу!

Равиль зажмурился, возвращаясь в стойку, сплевывает кровью прямо на пол. Кровью! Настоящей кровью! Красной. Вытирает рукой губу.

А дальше так и продолжает стоять и смотреть мне в глаза, слегка улыбаясь. Точно. Они чокнутые. Оба. Где тут выход!?! Сглотнула, словно ощутив оскомину во рту.

— Разницу видела?

Кивнула, пытаясь побороть подступившую дрожь.

— Я оставался на одном и том же месте, но при этом нанёс

противнику разный урон. Рав, вытяни руку.

Тот послушался, Никита Федорович повторил за ним.

— Видишь, мы с ним примерно одного роста, одной комплекции, но руки у него немного длиннее. И если он будет переть, мне с твоим ударом не дожить и до десятой секунды. Почему?

— Потому что так Вы даже не дотянетесь до него.

Равиль опять взглянул на меня, улыбнувшись... Да, я иногда разговариваю. Не обязательно так на меня смотреть.

— Именно. Теперь смотри... разницу между прямым и боковым мы отработаем с тобой позже. Пока же встань на мое место и попробуй ударить так, как я тебе сейчас показал.

— Его? — Пискнула, показывая пальцем на эту застывшую мумию.

Почему молчит? Он вообще нормальный? А, ну да, о чем я... точно нет. Абсолютно не нормальный.

— Да. — Отвечает наконец Никита Федорович, ещё раз переведя взгляд с меня на того самого.

— Но..

Вот, как можно позволять себя бить!?

— Почему нет?

— Это неправильно.

Мумия подала голос.

— Встань уже напротив. Сколько можно ломаться?

— Да не буду я.

Повернулась к нему.

— Ты понять хочешь или нет?

Немного щурится, заставляя одним тяжёлым взглядом засунуть свой язык подальше.

— Да, Кать, просто потренируйся на нём. – Поддерживает свою же идею Никита Федорович, сам спрыгивая с ринга и направляясь куда-то в сторону двери. Да ну нет... — Как я понял, он на тебя глаз положил, вот и покажи ему, что нечего девушек красивых трогать.

Тоже мне "красивых".

— В следующий вторник проверю результат.

— Но... Вы то куда!? – Пискнула.

Обернулся к нам.

— Рав, тронешь её, зубов не досчитаешься.

— Да помню я. – Доносится позади.

И что!? Что, блин, ему сделают!? Зачем оставлять меня один на один с ним!? Это что за место такое? Да его даже удар в лицо не берёт. Эй! Да какого...

Дверь захлопнулась. Черт. Черт. Черт. Зачем я вообще сюда пришла!?

— Что застыла?

Зажмурилась...

— Успокойся и повернись ко мне.

Выдохнула. Ладно, спокойно. Нормально всё. Опять нервничаю на пустом месте. Повернулась.

— Встань туда, где стоял Ник.

Сделала шаг вперёд, стараясь не смотреть на его лицо.

— Ты драться научиться хочешь?

Кивнула.

— Тогда отбрось эти ужимки и повтори то, что сделал сейчас Никита.

— Но..

— Страшно тебе?

Подняла взгляд.

— Я с Вами на "ты" не переходила.

— Это я уже слышал.

Поджала губы.

— Ну как? Решилась?

— Почему нельзя практиковаться на груше или на манекене..

Усмехнулся.

— Меня пожалела?

— Да... нет... Да блин. – Сжала перчатками лицо. Посмотрела на него и замерла. Губа немного кровоточит, а он улыбается, словно ничего и не произошло сейчас. Чокнутый!

Выдохнул.

— Ладно, давай уже. Потом поговорим, зал минут через десять надо освобождать.

— Тогда может я пойду лучше..

— Бей уже.

— Я никогда не..

— Да Господи..

Резко подаётся вперёд, заставив сжаться на месте и смот-

реть откуда-то взявшейся загнанной мышкой.

— Что замерла? Либо бей, либо беги.

Ноги сами шаркнули назад, пытаясь отдалиться от его приближения.

— Если побежишь сейчас, поцелую у двери.

Ошарашенно поднимаю глаза снова натываясь на безбашенную улыбку.

— Что!?

— Что слышала. Бей, говорю. — Доносится до меня, пока пытаюсь отвести взгляд от засыхающей капли крови в уголке его губ.

— Нет. Я не смогу..

— Не провоцируй.

Да черт возьми. Как он там делал..

— Ты всё равно ростом не вышла. Ну куда ты целишься? В грудь мне бей.

А... да, точно, так удобнее.

— Что дрожишь?

— Я не дрожу.

— Ударь уже. Зачем ты сюда пришла? Кому что хочешь доказать? — Начал повышать дицелелы, что разносятся по полупустому помещению. — Обидел кто? Руку поднял или похуже? Может, комплексы хочешь свои преодолеть? Поэтому такая застенчивая?

Он продолжает ухмыляться, следя за тем, как я сжимаю кулак, ставлю ноги в нужную позицию, заносу руку и утыка-

юсь перчаткой прямо в его солнечное сплетение. Прикусил губу. Выдохнул.

— Выше немного бей и корпусом уже наконец работай. — Комментирует он, немного согнувшись от удара. Блин, больно, наверное? Ай, черт-черт, что я творю!?

— Да не хочу! Хватит! Спасибо...

Разворачиваюсь, долетаю до канатов, спрыгиваю. Раскрываю липучки на перчатках, бросаю их в рядом стоящий контейнер. Выбегаю из зала, наткнувшись на взгляд той администраторши. Прошмыгнула в раздевалку и захлопнула за собой дверь, только после сообразив, что тем самым заставила обернуться всех присутствующих, а их оказалось не так уж и мало...

Слабо улыбнулась в знак извинений и на негнущихся ринулась к шкафчику. Какой там код то? С третьего раза ввела три цифры, что настоятельно рекомендовала запомнить та девушка за стойкой ресепшена. Лидой зовут, кажется.

Схватила приготовленное белье, ринулась в душевую.

Только под струями теплой воды смогла признаться сама себе в том, что я его, черт возьми, ударила. Ударила живого человека! Не просто махалась в воздухе или пыталась бить грушу, а... ударила-живого-человека. Настоящего человека!

Черт. Я же... Нет, надо извиниться, наверное.

Но стоит только вспомнить его улыбку... обойдется!

Да блин... Что я такая мягкотелая-то!? Он же смеётся надо мной явно! Вон как про комплексы сказал...

Наконец переоделась, собрала рюкзак, закинув в него спортивную форму, закрыла ящик. Только вынырнула из раздевалки, как меня окликнула Лида.

— Как Вам первое занятие? Понравилось?

Кивнула, не решаясь сказать правду, что так и осталась вертеться на языке.

— Прекрасно. Завтра у вас бассейн. — Излишне сочувствующая интонация коснулась моих ушей, когда я проскользнула наконец к дверям.

Думает, что не встану с постели после сегодняшнего? Да, может быть и так. Но стоило только выглянуть на улицу, как у дороги завелся слишком знакомый автомобиль, как бы ставя меня перед фактом, что... жалела та девушка явно не из-за завтрашней атрофии мышечных волокон.

Ну, что ему ещё надо от меня, а!? Что я такого сделала-то? Чуть не застонала.

— Ты домой? Я подвезу.

Пройти мимо? Всё повторится вновь, я уверена. Последний автобус придет сюда минут через десять. Стоять на остановке рядом с ним опять? Нет. Точно нет. Ни за что!

— Садись, Кать. — Доносится его голос из машины.

Ладно. Ладно, ладно, хорошо.

Солнечный летний денёк: рядом воркуют голуби, цветет что-то, привлекая пчёлку, машины проносятся одна за одной. И всё бы хорошо, но я всё-таки иду в его направлении, пытаюсь уверить себя, что так легче отделаться и забыть. На-

до просто сыграть по его правилам. Не зайдет же он сейчас слишком далеко. Просто довезет до дома.

За такое, Кать, обычно благодарят, а не сбегают на вызванном такси... Такому радуются, но разве я была когда-то нормальной?

Да, просто протянуть руку, дотронуться до ручки, нажать, дернуть и сесть внутрь, плавно закрывая за собой дверь. Плавно. Молодец. Неплохо получилось. Теперь тихо выдохнуть и постараться не реагировать на него. Никак.

Рав

Села! Черт, аж к окну отвернулся, чтобы она не заметила мою до жути слащавую морду.

Как прилежная девочка пытается застегнуть ремень в щелчке, отворачивается к окошку. Ух, заводит.

Вдруг оборачивается и спрашивает, пока мы медленно плывём по асфальтированной прямой.

— Зачем Вы дали себя ударить?

— И что в этом такого?

— Как это что!? У Вас же кровь и там опухло всё.

Коснулся пальцем губы. Я бы сказал, где у меня опухло..

— Тут что ли?

— Да.

— Тьфу, ерунда такая. — Улыбнулся.

— Почему Вы не увернулись? Не успели?

— Не захотел.

— Как можно вообще не хотеть увернуться, когда на вас такое летит!?

Так мило взволнованно спрашивает, пытаюсь отгородиться рюкзачком. Да не съем я пока, не сейчас.

— Знаешь, мы со Светошевым дружим лет семнадцать уже...

Она на мгновение посмотрела, но тут же уткнулась обратно.

— Когда мне было лет десять, родители переехали в этот город. Мать подала документы в неплохое, по её мнению, учебное заведение, так я и попал в один класс вместе с ним. Знаешь, я тогда был таким тихим, замкнутым, домашним мальчиком. Тем самым, кого обычно любят шпынять ребята поборзее и постарше, пытаюсь самоутвердиться за счёт этого паренька, и старательно не замечают учителя. Видела таких? Вот тогда я уворачивался, семенил и боялся..

— «Но»? — Едва слышно.

— Меня посадили с Никиткой за одну парту. И в один из дней, когда мой ранец вновь выхватили и начали затаптывать малолетней гурьбой, Никитка, делавший всё это время вид, что меня не существует, не выдержал и кинулся на них всех... Один. Я же так и остался сидеть на своём исписанном не самыми приятными словечками стуле.

Снова посмотрела своими карими глазками с длинными ресничками. Лёгкий румянец, выжидающий взор. Заинтересовал наконец-то?

— Как думаешь, победил?

Пожала плечами. В ответ рассмеялся.

— Конечно же, нет, Кать. Но за это я до сих пор ему благодарен.

— А потом?

— Поплелся за ним после уроков. Он в тот день пришел в зал к своему отцу, получил нагоняй от него за ссадины и грязную форму, ткнул в меня пальцем, рассказав всё произошедшее. Я же забился на лавочку и просто следил за тем, как он пытается драться, снова и снова нападать на взрослого мужика такой же комплекции, как Никита сейчас.

— Захотели также?

— Да, наверное. Так и ходил смотреть, через месяц выпросил у матери перчатки и помчался с ними в зал. Получил от него в лицо в первом же спарринге, перетерпел и раз на десятый понял, что это не так уж и страшно, как он и говорил. Намного хуже, когда подставляешь спину, пытаешься сбежать от кого-то. — Улыбнулся, возвращаясь из давних воспоминаний. — Кстати, вот также, как ты сегодня.

Промолчала. Минута к минуте, а она так и не пытается завести разговор. Остановился у светофора, пытаюсь заставить себя не смотреть на её ноги. Ну, Рав, там ещё и лицо есть где-то. Черт, какие же ноги-то, а...

— Так и будешь молчать?

Губы дрогнули.

— Откуда Вы приехали?

— Дальше будешь Выкать?

Кивнула. Выдохнул. Ладно, никто не говорил, что будет легко. Что там спросила...

— Из Казани. Отцу дали тут повышение, выделили рабочую квартирку. Мама была очень счастлива, всё строила почти идеальный домик из нашего захолустья на отшибе.

Немного помолчал. Перевела взгляд.

— Опять «Но»?

Улыбнулся.

— А потом просто спустя пару лет отец под Новый Год повесился.

Вздрогнула... ну ничего не поделаешь. Бывает и такое. Я, вот, похоже, по его стопам иду.

— П..простите...

Прервал.

— Глупости.

— Правда, я не хотела.

Наивная совсем? Да не бывает вас таких...

— Пустишь на чай?

Резко отвернулась, замолчала. Усмехнулся. Ну конечно. Никто же и не сомневался.

"Hello, hello, hello. How low?"

Третий вдох. Первой иголочкой

Катерина

Мы почти подъехали к дому, как он вдруг спросил.

— Слушай, ты не голодная? Я бы сейчас быка съел. Тут недалеко место есть неплохое. У меня там знакомый каше-варит.

И пока я решаю, как ему культурно отказать, он под бибиканье тормозящих автомобилей срывается с места и проезжает нужный мне поворот.

— Эй!

Повернулся ко мне и улыбнулся, чуть задрал голову.

— Сейчас пожуём только что-нибудь. Сто процентов же есть хочешь.

— Я дома поем.

Отвернулась и сильнее вцепилась руками в ремень. Хотя, казалось бы, куда ещё сильнее-то.

— Не бузи. Денег нет? Я же заплачу.

— Не надо.

Поворачиваем в противоположную дому сторону и паркуемся прямо напротив «Океана». Серьёзно? Вот это его «неплохое» место!? Да этому заведению в обед сто лет, и это нисколько не преувеличение сейчас! Тут этим духом неподдельного этикета и рыбы каждый сантиметр пропах! Была у нас как-то свадьба в этом месте..

— Ну так и будешь сидеть? — Уже открыл мою дверь и протягивает мне руку.

Это сколько я сейчас тормозила, сидела и смотрела на входную группу этого ресторана?

— Извините, но я туда не пойду.

— Тебя на руках отнести?

Что за... подняла голову к его лицу, он смеётся. Ну конечно. Весело ему, улыбается. Опустила взгляд на до сих пор вытянутую руку.

— Отойдите, пожалуйста. Я выйду.

Не шелохнулся.

— И пойдёшь со мной?

Ага, конечно.

— Мне домой нужно.

— Ждёт кто-то там?

Поджала губы.

— Ха, я так и знал! Выходи давай, в чём проблема?

— Вы не расслышали? Уберите руку. Не пойду я туда! Мы не одеты, это неприлично и вообще...

А вот теперь смех еле сдерживает...

Поспешила добавить.

— Туда в таком виде точно не пускают.

Вдруг дверь позади него раскрылась, и из ресторана вышел с сигаретой в зубах какой-то мужчина кавказской наружности, хлопающий себя по пиджаку явно в поисках зажигалки.

— О. — Сигарета повисла. — Рави, Салям! Ты ли это!? Что тут...

Душегуб оборачивается и спешит по-пацански поздороваться с мужчиной.

— Слушай, Мах, накормишь, а? Жрать хочу, ты себе не представляешь...

Косится в мою сторону, пока я отстегиваю ремень и вылезаю из машины, стараясь не привлекать к себе лишний раз внимание.

— Только у меня тут золушка туфельку забыла и вообще, говорит, не при параде. Прикинь?

Чувствую на себе взгляд этих двоих, перепрыгиваю бордюрчик, стремительно ускоряясь в сторону дома. Позади отчётливо слышу:

— Ва. Хорошо бежит. Ну догоняй что ли?

— Ща она хоть за поворотом скроется, а то так неинтересно.

Мамочки-и-и. Юркнула за угол, держа рюкзак впереди себя и перебирая ногами со всех сил.

Ничего-ничего! Мне здесь всего два дома пробежать, до рогу на светофор перейти, и я буду почти дома. Не-е-ет, не успею. Резко затормозила и юркнула в небольшую затемненную арку, в которой подальше как раз расположен служебный вход «Океана».

Через пару секунд помимо мельтешающих прохожих и мяукающих возле меня кошек увидела спину пробежавшего Ра-

вила, отошла вглубь и прижалась к стене. Сердце бьётся как бешеное, отдаваясь куда-то в онемевшие пальцы. Кошки мяукают, давно привыкнув к царящему аромату тухлятины.

Немного подождать, ещё чуть-чуть... он не заметил. Сейчас поймёт, что упустил, и скоро спокойно уйдёт. Главное не дёргаться раньше времени..

Через дорогу видна остановка с киоском. Там всегда кучу мелочей продают. Надо будет зай...

Взвизгнула, оказавшись в этом закоулке один на один с ним.

— Плохо прячешься.

— Отстаньте.

Помотал головой, ухмыляясь и медленно надвигаясь на меня. Да бли-и-ин..

— Ну пожалуйста, что я такого сделала-то тебе? Не трогайте меня. Что вы все..

Замер.

— Кать, ты за кого меня принимаешь? Пойдём пообедаем. Просто спокойно вдвоём поедим. Что, я за тобой каждый раз бегать должен?

— Да черт возьми, не хочу я! Понимаешь ты или нет?

Вдруг улыбнулся, а я, окончательно осмелев, сделала шаг на встречу.

— Вы все только о себе и думаете. Я настолько доступно выгляжу? Что вы прикопались-то, а!?

Прошла мимо него, пошел следом, держась на расстоя-

нии.

Вышла на улицу, чуть не врезавшись в пробежавшего мальчугана. Затормозила. Позади раздался смешок. Да блин...

— Что ты смеёшься? Весело тебе? Найди себе уже кого-нибудь другого, ладно? Прилип как банный лист.

— Сама-то заметила, как на «ты» перешла?

Замерла... и правда же. Да и чёрт с ним! Он продолжил:

— Кать, серьезно, по-хорошему прошу, пойдём поедим?

Резко обернулась, чуть не наткнувшись на него. Подняла взгляд к лицу.

— Да не ем я рыбу! Терпеть её не могу.

Он, кажется, впервые сейчас улыбается по-настоящему... не наигранно, не ради привлечения внимания и не высмеивая... и это так странно. Никогда не видела таких красивых ямочек на щеках.

— Что сразу не сказала?

— А меня вообще кто-то спрашивал?

Отвела наконец взгляд, рассматривая стену с наклеенными объявлениями. «Куплю квартиру», «Отдам котят», «Работа», «Купим волосы...»

— Кушать хочешь? — Вкрадчиво интересуется он дотрагиваясь до меня нотками мурчащего котёнка. Поёжилась..

— Хочу.

Правда же, хочу.

— Но с тобой я за один стол не сяду.

— Почему нет?

Посмотрела на него. Вот! Вот оно! Снова это выражение лица! Всё-то он про всех знает... выдохнула.

— Слушай. Давай начистоту, ладно?

Кивнул.

— Я прекрасно понимаю, зачем ты ко мне прицепился..
Улыбнулся ещё шире.

— Только... — Прикусила губу, быстро решая, как именно сказать. — Только этого не будет. Ясно?

Сотрите уже кто-нибудь это выражение.

— Я не знаю, что ты там обо мне подумал, но ты точно не по адресу.

И кому я это говорю? Тихо. Разворачиваемся и просто уходим. Спокойно. Медленно.

Не бежим. Да, именно так.

С высоко поднятой головой.

Около уха вдруг раздалось.

— Слушай, у тебя масло есть? Пойдём тут заскочим в ларёк за твоим домом, там такая женщина классная овощами торгует, закачаешься! Я у неё скидон выпросил как раз на той неделе.

Замерла, медленно повернув к нему голову.

— Ты не расслышал?

— Что ты не такая и ждёшь трамвая?

Шумно выдохнула, он всё нависает надо мной, убрав руки в карманы спортивных штанов.

— И? — Только и смогла выдать.

— Круто же. — Опять улыбается.

— Рави-и-иль...

— У тебя голос просто фантастический, — Да ну ё-моё. Пошла-ка я да побыстрее. Кидает вдогонку. — тебе говорили об этом? Кать, и фигура у тебя отличная, так что заканчивай комплексовать.

Да я чуть ли не на десятой скорости иду сейчас, обгоняя один за одним медленных прохожих. Почему он всё не отстаёт?

— Ты в пятьдесят второй живёшь?

Резко затормозила и обернулась к нему.

— Что!?

— О, точно. У Ани же квартиру снимаешь?

— Откуда... у администраторши посмотрел!?

— Не, я до адреса не дошел.

Закатила глаза. Ткнула ему в грудь пальцем.

— Отстань. От. Меня. Пожалуйста. Равиль, сколько раз надо повторить!? Да не получится у тебя со мной ничего. Ничего! Слышишь!?

Ну, почему он всё улыбается-то и как заведённый болванчик кивает!? Мне уже реветь хочется из-за того, что он такой твердолобый!

— Так масло-то есть или нет?

Да блин...

— Есть.

— Накормишь? Я прям даже пальцем тебя не трону... кстати, а чо ты маникюр не делаешь? У тебя, конечно, пальчики ничего, но... ну так что? Поедим?

Прохожие все сторонятся нас, стараясь не смотреть на меня, что так и не убрала от него свою руку, и этого твердолобого душегуба, который сейчас косится на мой палец и не перестает улыбаться.

— Равиль. Уезжай, пожалуйста.

— Накорми и уеду.

Выдохнула... развернулась и пошла наконец в сторону дома.

Нет, точно нет. Ни за что. Да ему поверить – себя не уважать. Знаю я таких! Почти каждая свадьба ими кишит. Увидели наивную девочку и пошлѐпали хвост распушать! Тоже мне короли ночной Вероны.

Перешла дорогу, стараясь не замечать под ногами его тень. Так... в ларѐк я похоже за батарейками не зайду. Откуда он про Аню узнал? Как вообще номер квартиры вычислил? И что мне теперь делать...

— Кать, давай так. – Раздается позади. – Мы сейчас с тобой сделаем салатик, а я взамен не буду трогать тебя на тренировках. Идѐт?

Обернулась.

— Вообще отстанешь и не будешь трогать меня!

Явно сейчас ухмыльнулся.

— По рукам.

Тише. Не визжим. Оборачиваемся и идём к этому гребенному ларёчку. Шаг за шагом. Накидываем рюкзак на плечи, поднимаем голову выше и не плаваемся, ощущая на себе его взгляд.

Заворачиваю за угол, как вдруг позади раздаётся его голос:

— О, Стасик, привет! Ну как работа?

Подхожу к ларёчку, кишашему богатым ассортиментом: наливные яблоки, спелая груша, слива, лук зелёный и репкой, зелень, морковь, картофель... о, помидоры..

— Девушка. – Женщина отрывает взгляд от сканвордов и наконец смотрит на меня безразличным, выдавшим лучшую жизнь взглядом. – Можно мне помидорки.

— Сколько?

Ой... да... сколько? Перевожу взгляд на Равиля и не могу оторваться.

Он сидит на корточках и что-то рассказывает какому-то бездомному, тот в ответ улыбается и чешет свою седую бороду дырявой перчаткой. Равиль вдруг словно магнитом поворачивает голову ко мне, встаёт и произносит.

— Погоди, сейчас я тебе яблок помягче у Юльки куплю...

— Да она цены гнёт... – Говорит дедушка. – Что ты, что ты!? Не стоит!

— Ну и ей детей кормить надо. – Комментирует Равиль, наконец подходя ко мне. – Юль, привет.

Женщина буквально на глазах расцвела и поправила свой

не без того притягательный бюст, заставив меня чуть ли не подавиться.

— Слушай, собери Стасику яблок побольше и покрасивее, ладно?

Названная кивает и отслюнявливает пакет, дотягиваясь второй рукой до красной коробки.

— А нам бы с девушкой килограмм помидорок да огурчиков.

— А, так вы вместе? – Улыбается женщина, взвешивая получившийся пакет.

Равиль кивает и несётся с яблоками к бабушке. Оборачиваюсь к лавке.

— Так, что там дальше? – Вновь безэмоционально спрашивает Юленька, поднимая взгляд от калькулятора. – Помидоры?

— Килограмм. И огурцы... тоже.

Женщина поджала губы и потянулась к овощам. Через мгновение Равиль оказался рядом. Снова слишком близко. Расплатился, получив приличную скидку и обворожительную улыбку в довесок.

Иду за ним, пытаюсь не отставать. Он всё что-то увлеченно рассказывает, а я понять не могу, как и зачем эта спина направляется к моему дому. Вот зачем!? Салат!? Пусть рыбу свою ест!

— Кать. — На ходу оборачивается ко мне. — А ты всегда такая молчаливая?

Поджала губы, стараясь не закричать на него с просьбой не идти так — у нас во дворе яма на яме яму закрывает! А он идёт чуть ли не вприпрыжку!

Нет, он точно какой-то ненормальный. Хотя какая мне разница, пусть ноги себе ломает.

Встал возле калитки, ждёт, когда я открою. Дотрагиваюсь до первой цифры и замираю в нерешительности... это дурная идея, но, может, сбежать?

— Кать, либо один лёгкий обед, либо я караулю тебя повсюду.

— Чокнутый.

— Ага, и ты мне понравилась.

Рав

Девственница. Триста процентов из ста! Зуб даю! Прямо точно! В глазах застыло то самое «и хочется, и колется». Охренительно же! А это её «точно не получится» — ха-ха-ха, и ещё раз «ха».

Реснички дрожат, румянец на щеках, боится и одновременно пытается дерзить. Смешная до умопомрачения. Медленно нажимает на циферки, сама не осознавая, что так я их ещё лучше запомню.

Ой попала ты, Катька, ой попала.

Оборачивается.

— Слушай, уйди, пожалуйста.

— У тебя не прибрано?

Подняла взгляд.

— Что? А... да! Точно! Не прибрано.

— Мне плевать, я же поесть.

— Там гора посуды.

— Да хоть гора трусов.

Что я только о её заднице-то думаю?

И? Кого ждём? Что замерла? Мы о чём говорили-то? А...

Схватил за калитку, потянул на себя. Лишь вздохнула и пошла дальше. Вот и правильно, из двух зол выбирают меня.

— Правильно, Кать. Кстати, а что ты Выкала-то?

Подошли к двери, сняла рюкзак, копается, ключ ищет.

— Рабочая привычка. Вы так лучше понимаете, что ничего вам не светит.

Рассмеялся.

— Когда ты своим ротиком холодно цедишь-то? Тебе там какие-то неуверенные в себе олигофрены попадались?

Нашла ключ.

— Ты с этим завязывай. Знаешь, по себе скажу — наоборот ещё больше заводит.

Вздрогнула. А я объясню.

— Подчинение, детка, и доминирование.

Чуть не задохнулась... ой, какие мы будто невинные.

— Господи, убирайся уже, ну.

Улыбнулся.

— Открывай уже, открывай, Катюш. Правда, есть хочется. Мы же договорились, я не трогаю — ты кормишь.

Забавно сжимает перед собой кулачки и чуть ли ножкой не топает..

Равиль, перестань смотреть туда, ну. Сейчас с ней закончишь и цепани кого-нибудь тогда, а то этот цветочек ещё обрабатывать и обрабатывать.

О, всё? Успокоилась? Вот и прекрасно. Заходим под писк сработавшего домофона.

Точно, Анькина квартира. А мебель где вся? Ну и зачем ей двушка, если живёт одна? Заглянул в зал – надувной матрас... ой, остановись, Равиль, остановись, не надо тебе думать о том, как он заманчиво проваливается при каждом движении. А, да, мы же на кухню. Посуды грязной, естественно, не оказалось.

Ничего особо и не изменилось, разве что плита новая, ту синюю бандуру я никогда, наверное, не забуду. Впрочем, в моей каморке примерно такая же – от отца ещё стоит.

Сел за стол, притянул ногу к себе.

Пролистываю список «друзей» в той самой социальной сети. Отметаю блондинок, брюнеток, шатенок. Всё не то, всё не так. Губы не те, глаза не такие, бедра некрасивые, голос не радует, душа не лежит. Да что такое-то, а!?

Снова перевожу на неё взгляд. Малышка медленно может овощи, даже не замечая, что в шуме сильного напора воды сейчас тонет мой тяжёлый выстраданный вздох. Понятно, охотничий инстинкт играет на полную – хочется мне похоже только её. Ну быва-а-ает, скоро пройдет, проверял уже.

Так, ладно. Что там у нас по плану? Помочь, поговорить, поесть, поулыбаться и если что поцеловать. Тихонько, легонько, нежненько, в щёчку.

С...собака Баскервилей!

Катерина

Отобрала у него нож, быстро заправила салат, поставила перед его носом миску, села напротив, стараясь не рассмеяться от того, как это животное уплетает целое блюдо.

— Будешь?

Помотала головой.

— Что так?

Пожала плечами.

— Оставить? Я просто всё могу сейчас съесть.

— Ешь.

Улыбнулся, принимаясь за дело.

Закончил, показала рукой в сторону двери, отбирая посуду. Убрала в раковину, включила воду и вдруг окоченела от... внезапного порыва его горячих губ, медленно спускающихся по моей шее.

О, Господи. Словно тысяча иголок насквозь, подавила огромный ком и резко ударила локтем назад — прямо в живот.

Ойкнул, действовало. Схватила за шею, обернулась к нему и почти закричала.

— Убирайся. Черт возьми! Равиль, убирайся отсюда

немедленно!

Он расправил плечи, улыбнулся и спокойно пошёл себе куда-то в сторону прихожей.

Господи... Господи. Хватаюсь за стену, медленно скатываюсь на пол. Не могу убрать руку от шеи, которая словно горит от змеиных укусов. Желудок скручивает и отдается в голове рикошетиющим гулом захлопнувшейся двери.

Тихо. Дышим. Спокойно. Дышим.

Вытираю слезы, что вдруг стремительно полились градом. Крупные, соленые, прожигающие. Слезы несправедливости... ну почему!?

Почему я постоянно притягиваю только таких идиотов!? Почему!? Где все эти вымышленные принцы из сказок, что защищают своих принцесс от таких вот проходимцев? Почему мне только одни кобели и попадают, а!?

На лице написано что-то? Лампочка горит!? Бирка с «Я доступна»!? Да блин, ну почему, а!? Нашли себе лёгкую цель.

Вновь всхлипываю, хватаясь за ручку дверцы. Надо встать и выключить до сих пор льющуюся воду... Да и чашку его домыть.

Просто жить дальше. Всё в порядке. Ничего не случилось! Ничего. Не. Случилось. Как обычно. Повезло, что хоть свадьба на этой неделе только одна, надо будет к маме в субботу уехать. Не могу в этом гадюшнике больше. Не могу!

Рав

Сколько я не пил? Примерно год? С того самого вечера, как Леська вылила на мужа бывшей кильки ведро с краской... Да, точно! Сильно меня пробрало сегодня... точно, вся причина в этом Хеннесси, что я медленно тяну и заливаю в уши какую-то дичь какой-то блондинке.

— Я медленно дотронуся до твоих волос, проведу пальцами по ушку, хочешь?

Она вроде ничего, не перебрала, но едва заметно кивает и поджимает не самые удачные губы. Хаа, ну ладно. Дотрагиваюсь до её кожи.

С..собака, Катя, срочно вали из моей головы со своей шей! Не мешай забываться.

Девушка, как её там? Ольга... ну или Полина... вздрагивает и подвигается ближе, совершенно наплевав на последний танец молодых и красивых окольцованных дурачков.

Свет приглушен, плавная музыка, я наглаживаю шею очередной блондинки, лицо которой забуду на утро... но почему у меня перед глазами ты стоишь, а?

Вот словно это ты сейчас прошмыгнула за эти портьеры с пучком своих каштановых волос, в джинсах и голубой рубашке в клеточку, держа перед собой какой-то баул.

Стоп, Кать, ты что ли!?

Отдергиваю руку от блондинки, пропуская мимо её недовольный вздох. Музыка стихает, свет загорается. Остатки гостей слушают пламенную речь молодоженов, блонди обижа-

ется и уходит к себе собирать остатки торта, а я так и смотрю, как ты аккуратно двигаешься по залу, извиняешься перед этими пьяными мордами и забираешь рамочки с номерами столов.

Проморгался.

Не, точно ты.

Димка с Мариной ушли к родителям, а возле тебя вдруг останавливаются два знакомых мне мужика. Встаю. Ой, башка моя... Нет, точно встаю!

— Девушка, у Вас такая улыбка красивая, давайте сфотографируемся? — Плетутся ещё. — У нас сегодня друг женился, представляете? — Ты улыбаешься, отдергиваешь свою руку и пытаешься пятиться назад.

— Девушка, всего одно фото! А поехали с нами к пруду, а? Сейчас только торт с шампусиком возьмём и в путь.

Снова хватают за руку. Не, ну это уже ни в какие ворота.

Подхожу, отдергиваю от тебя Кирюшку, что, кажется, служит какой-то шишкой в полиции. Тот оборачивается и сразу начинает быковать. Пользуешься моментом и убегаешь за портьеры. Правильно, вот тут тебе надо сбегать, молодец..

— Эй, что ты творишь, а!? Рав, блин, козлина! Девку из-за тебя упустили!

— Пакли к ней свои не тяни больше.

Подбочинились.

— А то что? Тебе ж с поясом своим драться нельзя, сразу на уголовку залетишь. Забыл?

— Кирюш, да тут все подтвердят, что ты сам запнешься и об стол носом сейчас уйдешь, веришь? Со мной она. Моя, понял?

Второй ретировался сразу, Кирилл оценил мой боевой настрой, хмыкнул и удалился в сторону другой юбки. О, да, той самой блондинки — она-то уж сюда как раз за этим.

Тихо сползаю на стул и отказываюсь от предложения взять себе торт на дом.

Всё равно туда не сунусь сейчас, а то точно утоплюсь.

Время стекает в меня новой бутылкой Хеннесси. Людей становится всё меньше и ты наконец вынырываешь из своего закутка. Бросаешь на меня недовольный взгляд, поджимая очаровательные губки и хмуря бровки. Приступаешь за дело.

Собираешь остатки номерков, стёкла, какие-то вазы на тонкой ножке с цветами и какой-то зелёной штукой, какие-то там подвесочки, пиалочки, свечки и прочую свадебную лабуду. Умело оборачиваешь всё в тряпочки. А, чтоб не разбилось, да? Присаживаешься на корточки к столу молодоженов, и, пока я допиваю свой стакан, ловко отстегиваешь какую-то громадную юбку от скатерти. Быстро сворачиваешь это пятиметровое нечто и складываешь всё в откуда-то взявшийся баул.

Подходишь к мольберту с «Планом Рассадки» (это я молодец, отсюда прочитал), снимаешь огромную раму с ножек и относишь к выходу.

— Тебе помочь?

— Уходи уже.

Продуктивный разговор.

— Я скучал.

— Да, охотно верю, вспоминая твою блондинку.

Какую блондинку? А, ту что ли? Как её там? А, неважно... Да ты моя маленькая... Оторвался от стакана, зажевав последней долькой лимона. Поморщился.

— Это и есть твоя работа?

Кивнула, оценивая опустевший зал придирчивым взглядом.

— И ты одна всю эту красоту наводила?

— Нет, конечно, только убираю одна.

Взяла десяти литровое ведро от цветов, направилась куда-то в сторону уборной.

Нет, надо помочь, наверное.

Встал, еле удержавшись на ногах.

Черт, зачем я пил вообще?

Сделал пару шагов, обогнув откуда-то взявшийся стол.

Та-а-ак..

— Не трогай тут ничего! – Взвизгнула, выходя с пустым ведром. Ха, это к несчастью...

— Я помогу спустить. Ты на чем сюда?

— Газель уже ждёт.

Кивнул. Как серьезно у вас всё... газель целая ждёт. Ладно хоть не антилопа-лопа-лопа-лопа. Опускаю прихваченный стакан и перестаю изображать танцы с бубнами... Вот,

улыбнулась!

Схватил какой-то баулище, захватил мольберт.

— Боже, там стекло, только не разбей! Равиль, ты слышал!?

Такой голос чистый... кивнул, насвистывая себе мотив давно вызубренной песни, переставляя ноги и стараясь не оплошать. Ой, двери такие узкие... или это я такой широкий?

"Hello, hello, hello. How low?"

Кажется, я и правда скучал. По шее и цитрусовому аромату. По бретельке бежевого бюстгальтера с явной буковкой «В»... Вот дали же родители имечко, а! Даже грустно стало... хоть не вой тут.

Четвертый вдох. Холодной дрожью

Катерина

Раз за разом спуская реквизит к машине, изучаю его фигуру, что медленно переставляет ноги и движется куда-то в сторону выезда. Он не думал, что такси можно вызвать прямо сюда?

— Кать, ты всё? – Спрашивает водитель, закрывая зевок ладонью.

— Да, Лёш, сейчас только последний раз всё проверю.

— Ну давай быстрее уже. Насколько они задержались?

— На час.

— Оплатят хоть ожидание?

— Пусть с Натой говорят, даже уточнять не буду.

Мне надо бы развернуться, однако, я так и продолжаю стоять и смотреть на его спину, что вдруг повернула к лестницам, насколько я помню, спускающимся по длинному склону к небольшому дикому пляжу, который владельцы этого ресторана ещё только собираются облагораживать.

И что он там забыл?

— Кать! – Ворчит Лёша, бибикая в довесок. – Кать, я спать хочу!

Равиль уже скрылся из моей зоны видимости, а я только сейчас решаюсь сделать пару шагов назад, развернуться и ринуться в ресторан.

Перекидываюсь парой фраз с официантами, проверяю зал. Нет, вроде бы всё в порядке.

Выхожу на улицу и залажу в теплый салон давно знакомой трёхметровой газельки. Лешка тушит сигарету, запрыгивает в кабину и, наконец, трогается с места.

Машина дёргается, а я, как и всегда, молюсь, чтобы хрусталь на кочках не разбился. Хоть сколько его не оборачивай, а шанс..

— Лёш, ты не видел, тут парень по лестнице не поднялся?

— Какой ещё парень?

Зевает, потирая глаза и дергая передачу, хмурится, включая любимую радиостанцию. Проезжаем мимо спуска, стараюсь рассмотреть хоть что-то в этой мгле, но кроме отблеска чернеющего пруда вдалеке ничего не разобрать.

Куда он делся? Ушел? Зачем ему туда спускаться? Это небезопасно. Неужели он на столько напился, что..

— Черт! – Выкрикнула. – Лё-ё-ёш.

— Что забыла? – Недовольно кидает мне.

— Слушай. – Судорожно перебираю мысли. – Можешь за косарь все вещи к нам поднять, а? Только Нате не говори, пожалуйста...

Косится на меня, как на дурочку.

— Ну?

— Я спать хочу, что ты удумала!?

Останавливаемся возле ворот. Да нигде этого душегуба не

видно...

— Лёш, три тысячи!

— По рукам.

Отстегиваю ключи, ещё раз объясняя ему, что надо уложиться за полчаса, иначе позже консьержка в офис просто не пустит. Он кивает, забирает свои заработанные, я напоминаю ему о том, чтобы не забыл оставить ключ, и вылетаю из машины, громко хлопнув дверью.

Похоже, я чокнулась.

Но... где он!? Ночной порывистый ветер касается запястья, гонит меня, заставляя переходить на бег. Внизу шумят бьющиеся о берег волны, а я несусь к лестнице по краю тропинки, пытаюсь разглядеть хоть что-то.

Где он!? Где этот чокнутый!?

Боже, может, не стоило Лёшу отпускать? Погорячилась. А если он утонул!? Если что-то случилось, вот что я одна смогу сделать? Спокойно. Ресторан работает, просто позову на помощь, кто-нибудь точно услышит... Хотя, судя по пустой площадке, звать придется долго.

Подбегаю к лестнице, Хватаюсь за перила, стараясь перешагивать пару ступенек. Пролет, ещё один, ещё. Чувствую, как под ногами сыпятся бетонные крошки.

Замедляю шаг, всё больше погружаясь в промерзлую темноту этого места, невольно оборачиваюсь и прощаюсь со светом оставшегося позади ресторана. Сейчас могла бы спокойно ехать в офис, а не бежать по разрушающейся временем

лестнице, хватаясь за поржавевшие перила, стараясь не думать о том, что кроме Равиля на этом пляже может быть сборище каких-нибудь, к примеру, маргинальных личностей сомнительной наружности, и бежать обратно вверх по этому спуску я буду явно не так быстро.

— Рави-и-иль! – Кричу, естественно, не получая ответа.

Касаюсь смеси гравия и песка, что хочет затянуть меня в свою трясину. Оглядываюсь, но совершенно не могу здесь ничего разобрать.

Выуживаю из кармана смартфон, с третьего раза, стараясь не слушать колотящееся сердце, кричащее о возможной опасности. Включаю фонарик, проводя светом из стороны в сторону.

Недалеко от меня в кустах что-то шевельнулось. Какая-то палка словно перепол... Подпрыгиваю и пачусь назад.

— Змея! Господи! Мать моя! Змеище!

Откуда-то позади внезапно раздалось, укротив мой возглас.

— Что ты орёшь!?

Оборачиваюсь и свечу фонариком туда, откуда услышала его голос. Метрах в двадцати, и правда, он. Сидит, опираясь на какую-то огромную корягу.

— Блин, тут змея!

Закрывает лицо от яркого света и медленно шипит мне что-то не совсем членораздельное, из чего я понимаю только пару фраз.

— Это маленький ужонок... ты намного опаснее.

Медленно подхожу к нему.

— Выключи фонарик. — Кидает, явно приложив немалые усилия для такого связного предложения.

Убираю телефон обратно в карман, оказавшись рядом.

— Что ты здесь делаешь?

Молчит.

— Это шутки у тебя такие?

Хотя какие шутки, он же не знал, что я его видела. Глаза наконец привыкли к темноте, сумев рассмотреть его поднятое ко мне лицо.

— Ты о чем?

— Что ты здесь забыл?

— Не твое дело.

Не отводит голову.

— Равиль!

— Что?

— Зачем ты сюда спустился? Я подумала, что ты... тебя нигде не было видно.

Усмехнулся.

— Тебе-то что, Кать? Зачем приперлась?

Вдохнула побольше воздуха, выдохнула.

— Действительно, надо было плюнуть на тебя и спокойно уезжать домой. Ну, нашли бы твой труп завтра — мне-то какое дело, верно? Потонул бы тут в пьяной горячке, мне то что, действительно! Тоже мне добрая девочка.

Я жду хоть какого-то проблеска благодарности или извинений, но он всё также молчит и смотрит куда-то на другой берег.

— Равиль, ты уходить собираешься?

Молчит.

— Пойдём наверх... ты сейчас не в состоянии.

Вздрогнула от смеха какого-то сумасшедшего, что только прикидывается сейчас человеком. Что с ним!?

— Пойдешь?

— Слушай, вали уже, а то я за себя не ручаюсь.

— И что ты сделаешь?

Усмехнулся.

— Равиль, пойдем, пожалуйста. Я застыла. Ещё такси как минимум полчаса ждать..

— Я не просил идти за мной.

— Да что ты заладил!? Что ты здесь забыл, а!? Сколько можно уже тут сидеть, пьяная ты морда! Вставай быстро, иначе..

Снова перевел взгляд на меня.

Да, мы оба знаем, что за моим «иначе» ничего не стоит. Он вдруг дотягивается до моей руки и тянет меня к себе.

— Что ты... – Стараюсь не закричать.

Отпустил руку, подведя меня ближе. Не решаюсь сдвинуться с места, смотря на него сверху вниз. Равиль все не поднимает голову, словно боится встретиться со мной взглядом. Нет, это вряд ли. Такие, как он, точно бояться не будут.

Так бы и стояла, как истукан, не зная, то ли уходить сейчас, плюнув на всё, то ли ждать проблески здравомыслия, но вдруг еле разобрала.

— Кать...

— Что?

— Помоги мне.

— В чем?

— Не убегай.

Инстинктивно сделала шаг назад.

— Я и так тут стою. Слушай, давай я всё-таки кого-нибудь позову..

Молчит. Не решаюсь сдвинуться с места, не понимая, почему помимо жуткого амбре от него сейчас веет каким-то... одиночеством. Да, точно, именно им, которое поголовно встречается у представителей "веселящих" профессий.

— Случилось что-то?

Поднимает голову.

— Помолчи.

Понятно, не мое дело.

— Я тогда пойду лучше.

Естественно, никуда не ухожу. Он тяжело выдыхает, снова хватая за руку и притягивая к себе. А потом просто обнимает за талию и отвечает на мои трепыхания только одним:

— Постой так.

Так и стою, вздрагивая от растекающегося тепла его хватки, что змеиным кольцом не даёт выбраться. Да я и не пыта-

уюсь оттолкнуть, глуша в себе раз от раза возникающий протест, прекрасно понимая, что сейчас моё тело сродни подушке или игрушке-антистрессу. Захотел обнять и выплеснуть все – вот, пожалуйста, обнимай.

Ну, сама виновата, могла бы сейчас сидеть в уютном салоне и не дрожать не то от ветра, не то от страха, ожидая, что он сделает дальше.

— Равиль.

— М.

Надо попросить его отпустить или отшутиться, или ещё что... Но почему-то не могу.

— Случилось что-то?

Снова молчит и держит талию ещё крепче, я же сжимаю кулаки, что так и повисли в воздухе, не решаясь оттолкнуть его.

— Равиль, прекращай.

— Помолчи и просто потерпи немного.

Ну, прекрасно! Будто мне делать больше нечего, как дышать парами коньяка, слушать шум волн, перебиваемые вихрем и судорожным биением сердца, всматриваться в траву рядом, разглядывая, не вылезет ли откуда ещё одна змейка.

Да черт возьми, может, для него это в порядке вещей, но меня так никогда не обнимали, и я наивно надеялась, что буду в этот первый раз хотя бы испытывать симпатию..

— Я ненавижу свадьбы. – Вдруг выдаёт он, наконец поднимая голову к моему лицу.

Боже, лучше бы дальше молчал и смотрел куда-то в сторону.

— Я тоже.

Усмехнулся.

— И работаешь на них?

Кивнула.

— Опустит уже руки. Не затекли?

Опускаю вниз и разжимаю кулаки, но так чувствую себя ещё более неловко. Вновь сжимаю словно висящие тряпки, которые надо бы куда-то заткнуть.

Вкрадчиво произносит.

— Можешь на плечи положить...

— Вот ещё, размечтался. В себя пришел? Можем идти?

— Нет.

А вот теперь я точно начинаю паниковать.

— Не дергайся.

Легко сказать! Выдох. Так, надо его отвлечь.

— Почему свадьбы не любишь? Зачем сюда пришел?

Молчит, снова смотря на воду. Да не больно то и хотелось. Лишь бы не лез только.

— Равиль, отпусти, пожалуйста, я такси вызову, пока ресторан не закрылся.

Кивнул, наконец отпуская. Отпрыгнула подальше, до сих пор ощущая, как сильно от его рук нагрелась рубашка.

Тело пробирает озноб, сжимаюсь и еле произношу название этого места в трубку, получая в ответ неплохую стои-

мость поездки. Одни траты кругом! Сейчас бы стаскала пакеты, занесла все коробки и спокойно бы домой отправилась. А так ещё утром спешить на работу, проверять и распаковывать всё.

Буквально сразу отвечаю на входящий, слушая голос девушки, оповещающий о том, что нам назначен серый Ниссан с таким-то номером, который, как и всегда, не запомнила.

— Вставай, минут через десять приедет.

Он, на удивление, слушается и даже в состоянии идти за мной и медленно подниматься по лестнице самостоятельно. Может, преувеличила и зря беспокоилась по поводу его опьянения?

Всё молчит, а я не вижу смысла говорить с ним о чём-то.

Подходим к воротам, извиняюсь перед сонным матерящимся охранником, замечая вдалеке свет фар приближающейся машины.

Да, вроде бы та самая.

— На Красную?

Спрашивает таксист, когда Равиль наконец-то погрузил свою тушу в салон и хлопнул дверью.

— Да.

Машина трогается с места, я приоткрываю окно, не дав тому запотеть, не в силах больше дышать этим запахом. Да и перед водителем, посматривающим на нас в зеркало заднего вида, стыдно.

— Только Вы меня высадите, а он дальше поедет..

Таксист не успевает возмутиться.

— Я там же выйду. — Обрывает причина моего дурного настроения... Надо было уехать.

Молчу, чуть ли не прижимаясь к двери, он же закрыл глаза и откинулся на спинку, изредка тяжело выдыхая.

Любуюсь огнями ночного города, пролетая по нашей набережной. Каждый раз, возвращаясь с работы, не могу оторваться от этого вида. Наверное, это одна из причин, что меня держит здесь и не даёт сорваться и уехать обратно.

Подъезжаем к дому, я начинаю рыскать в поисках пятисотой купюры, одновременно пытаюсь привести это рядом развалившееся нечто в чувства. Прошу остановиться водителя у дороги, что он и делает. Выходим.

В центре, как и всегда в это время, никого. Только собор слабо подсвечивается фонарями, и изредка проносятся резвые гонщики.

— Слушай, ты где живёшь?

— Я туда не поеду. — Отрезает опять и самостоятельно идёт в сторону моего дома. — Сегодня просплюсь во второй комнате. Она всё равно у тебя пустует.

— Я тебя туда не пушу!

— Если начала спасать, тогда не бросай обратно.

Это что за ерунда такая? Бред какой-то пьяного мужика.

Но боюсь противиться и просто иду следом, смотря за тем, как он самостоятельно переходит дорогу, огибает дом и от-

крывает калитку.

Ерунда. Полнейшая ерунда!

Опирается о железную дверь, тяжело вздыхая, и смотрит на меня, пока я подхожу и не решаюсь доставать ключи.

— Открывай. Мне просто надо проспаться сейчас. Утром уйду.

— А я тут при чем?

— Я не просил тебя идти за мной, поэтому получай.

Вот чтобы ещё раз я рванула так за кем-то! Откуда в его абсолютно хмельной башке всё это!?

Так и стоим, смотря друг на друга. Уф, надоело уже.

— Равиль...

Вздрагивает.

— Пушу только при одном условии, что ты там ничего не тронешь! В том числе — меня. Понял?

— Не бойсь, я сейчас не в состоянии тебя домогаться.

Прямо-таки обрадовалась, ага. Лучше бы просто ушел куда-нибудь. Тогда он тоже обещал, что не тронет, а в результате...

Отдернула руку, что уже направилась задеть место его касаний. Уф, ладно, закрою его на ночь на защёлку и сама запрусь в комнате от греха подальше.

Пятый вдох. Хмельной

Рав

Знаешь, если бы ты не пришла сегодня, я даже бы удивился.

Ну, видишь же – пережил ещё один день.

Знаешь, мам, ты умело делаешь вид, что всё в порядке.

Наверное, мне не стоит приходить к тебе, да?

Тогда зачем ты звонишь и напоминаешь о себе?

Ты же так любила ту дрянь, правда? Помнишь?

«Какая хорошая девочка, как тебе повезло, Равиль. Ты бы за неё держался. Цепочку бы ей, колечко. Предложение бы сделал. Смотри, на одной любви далеко не уедешь.» — и правда же, не доехали даже до чертового ЗАГСа. Она как и ты. Как и все вы по сути своей.

Что ты молчишь сегодня? Снова? Лучше бы я подох?

Кажется, так ты мне говорила всё моё детство? Да, примерно так.

Спасибо, мам. Я очень тебя... люблю.

Исчезни. Уходи. Выметайся из моей головы. Желательно — навсегда.

Резко открываю глаза, щурясь, стараясь подавить стоящий гам похмелья и разглядеть в темноте, где нахожусь. Ни черта не понятно, только кто-то дернулся рядом.

Хватаю за руку и тяну на себя, пока не успела сбежать.

Девушка, точно. Вопрос только в том, когда я её подцепил и какого дьявола ещё и заснул с ней.

Сжимаю тонкое запястье.

— Аай, отпусти, пожалуйста...

Ууух ты. Какой знакомый голосок. А что это мы тут делаем? Совсем страх потеряла и в себя поверила? Или я по пьяни всё-таки развел? Ни черта не помню. Бесцеремонно, конечно, но..

— Ты какого хера тут делаешь?

Открыла было рот, закрыла... а руку вырвать и не пытаешься. Чо, правда развел? Хотя, едва ли была бы тогда одета.

— Вообще-то ты в моей квартире.

Ну, вопрос не снят.

— Что тут забыла?

— От твоего выхлопа вся квартира провоняла. Я... форточку зашла открыть.

Опёрся об локоть. Всматриваюсь в силуэт, не отпуская руку. Врёшь же.

— И случайно ко мне присела?

И? Что это ты дёргаешься? Понравилось возле меня? Да, я даже бухой весьма ничего.

— Если проснулся, выметайся домой, пожалуйста.

Улыбнулся, проводя большим пальцем по венам на твоём запястье. Будоражит? Отдергиваешь руку. Вскакиваешь и вылетаешь из комнаты. Ох, сама невинность. Ну так даже веселее.

Закутываюсь с головой в простыню и стараюсь не ныть не столько от головной боли, сколько от онемевшей спины. Спасибо, хоть одеяло на пол постелила.

Катерина

Да что такое-то, Катя!? Какого дьявола тебя опять понесло о нем волноваться! Ну стонал во сне человек, с кем не бывает. Ну разбудил этим посреди ночи, с кем не бывает... да ни с кем не бывает!

Ушла на кухню, поставила чайник. Достала любимую кружку с розовой свинкой и села за стол. Через пару минут он всё-таки вышел из комнаты и направился в мою сторону, держась за голову. Раскалывается, наверное.

Отвела взгляд, изучая рисунок на обоях. Будто почти за год не запомнила эти алые цветочки на сером фоне...

Нет, всё равно нечего на него смотреть и вообще бы лучше уйти к себе! И запястье бы перестать держать, мало ли – за руку он схватил. Тоже мне — событие года.

Так, значит, убираем сейчас руку. Встаём и уходим обратно спокойным шагом.

Только вскочила, как надо мной раздалось:

— Села обратно.

Ноги сами подкосились и прижали меня в стул.

Доковылял до раковины, взял первую попавшуюся кружку, налил холодной из-под крана, высушил до последней капли, повторил.

— Дыру уже прожгла. Мужиков бухих не видела?

Здравствуйте, сама галантность. Отвела взгляд. Обернувшись.

— Ты утром собираешься куда-нибудь?

— Да.

— Зайди на обратном пути в ларёк какой-нибудь, купи кефир, ладно?

Глаза сами в его сторону побежали. Он ничего сейчас не попутал!?

— Что зависла?

— А ты домой не собираешься?

— Нет.

Опустошает третий стакан. Опёрся о столешницу с самодовольным видом, словно это я у него в гостях и вообще в ножки кланяться должна. В зеркало бы посмотрел, да на него взглянуть страшно! Вон взлохмаченные волосы в разные стороны, серые искрящиеся глаза, красивые скулы, ямочки, подбородок с откуда-то взявшейся щетиной... и пьёт он сейчас так жадно, словно в последний раз. Всё! Хватит на него смотреть...

Сел напротив.

— Вот, Кать, что ты всё молчишь, а? Слушай, а посимпатичнее у тебя ночного комплекта нет? А то эти штаны с кофтой... куда вскочила? Садись обратно. Вот, правильно, молодец. Поговорим?

— Не о чем.

— И что, тебя даже ничего не интересует?

— Интересует.

Едва заметная ухмылка понеслась в мою сторону. Даже боюсь представить, что он там себе надумал.

— И что же?

— Когда уйдёшь?

Подобрал левую ногу к себе, отчего его не без того приталенный и помятый костюм ещё больше натянулся.

— Меня вообще-то держит ещё, если ты не заметила. Так что точно не сейчас. Мне бы в себя прийти, я душем тут воспользуюсь? Чо ты злишься? Лицо попроще сделай.

Сглотнула.

— Да ладно... не переживай, у меня в обед занятия, так что к тому времени точно уйду, если, конечно, попустит. — Откинулся на спинку стула. — Если нет, то уж потерпишь меня ещё немного.

Я всё смотрю на него и не могу понять, почему... почему я его до сих пор не выгнала!? Дьявол его поberi, мне его жалко что ли? Нет, не жалко. Ну, наверное, не жалко..

Он тем временем загадочно улыбнулся, напомнив чеширского кота (если у того, конечно, были ямочки) и приблизился ко мне, облокотившись об стол и положив туда свою непутевую голову.

— У тебя очень красивые глаза.

Раздражённо поджала губы.

— Нет, серьезно. Я только сейчас заметил в них темные

крапинки.

— Ты там в душ хотел? Вот и иди.

Ухмыльнулся, отдалившись.

— Пойдем вместе?

Вскочила. Выключила закипевший чайник, убежала в комнату, пытаясь не думать о том, что взглядом он всё-таки проводил. Только хлопнула дверь, раздалось.

— Про кефирчик, Кать, не забудь. И я там полотенце какое-нибудь возьму, ладно?

Сжала кулаки, протяжно выдохнула. Надоел!

Посмотрела на часы, только три утра, скоро начнёт светать. Надо дожидаться шести и уехать на работу, разгребать последствия ещё одной свадьбы.

Взяла телефон. Забронировала один билет на автовокзал. Да, где-то к часу должна успеть... ещё час на автобусе, и где-то к трем я точно приеду к маме.

Его-то как отсюда выпроводить!? Придётся заходить домой после работы, проверять, ушел ли. И пусть до автовокзала здесь рукой подать, всё равно обидно.

И как это? В квартире его оставить? Ну, в конце концов, он знает Аню, и не думаю, что что-то здесь может произойти... да и брать-то тут нечего, разве что мой ноутбук, но это быстро решается путём закрытия двери на замок.

Да, точно, пусть проспится и выметается уже.

Дотянула до шести, выскочила из квартиры и уехала на работу. Провозилась до одиннадцати, попросив на проща-

ние консержку ничего не говорить Нате о вчерашнем. Вернулась обратно и зашла-таки в магазинчик возле дома! Вышла из него с пакетом кефира..

Катя, прекращай уже!

Поднялась домой, открыла дверь и замерла у порога. Он сидит на полу в коридоре (словно тут табуреток нет) и смотрит на меня взглядом голодного уличного кота. Наконец вскакивает, вырывает из моих рук пакет кефира и уносится с ним на кухню.

— Что встала как не родная? Проходи, гостем будешь.

Да, действительно, это же я у него в гостях. Так, всё! Вещи в дорогу собираем и выпроваживаем его отсюда!

Слышишь, детка, а давай помолчим?

Оставим на завтра все свои разговоры.

Знаешь, детка, в этом мире много причин

Умолчать. Не кричать. Не падать до ссоры.

Слышишь, детка? Знаешь, а мне тяжело.

Вдыхаю твой шёпот сердечного ритма.

Пойми, милая, моё прошлое не ушло...

Мне жаль. Но едва ли это ошибка.

Рав

Выпиваю пакет залпом, выкидываю в мусорку.

— Я вообще-то тоже хотела. — Раздается за спиной детский голосок.

— Можешь сходить ещё за одним, я не откажусь.

Молчит. Вот опять! Оборачиваюсь и замечаю сжатые кулачки и сомкнутые губы. Ух, какая красивая... Не смог сдержать улыбку, отчего она ещё больше нахмурилась.

— Вижу, тебе лучше?

Опёрся о раковину позади, кивнул.

— Покинь мой дом. — И добавляет. — Пожалуйста.

— Слушай, а на весёлую блудную дорогу ты тоже с «пожалуйста» посылаешь?

Закатила глаза и ушла в комнату, надувая губки. Пошёл следом. Смотрю, как она носится по комнате и собирает какие-то вещи и даже берет книги с подоконника, тут же скидывая всё в черную дорожную сумку.

— Кать, уезжаешь куда-то?

Кивает, увлеченно что-то рассматривая. Присела на корточки возле шкафа и ищет что-то в большой белой обувной коробке.

— Куда?

Молчит, всё перебирая какие-то побрякушки. Наконец выуживает оттуда маленький кулончик на тонкой серебряной цепочке, откидывает распущенные волосы назад, слегка выгибаясь и опоясывая шею.

Шумно выдыхаю.

— Помочь застегнуть?

Вздрагивает и испуганно переводит взгляд. Отшутиться? Вместо этого просто молчим. Наконец, берет себя в руки,

вскакивает, хватает сумку и стремительно проходит мимо меня.

— Кать.

— Уходи.

Улыбнулся.

— Тебе не понравилась наша ночь вместе?

Вздрогнула, развернулась и снова ткнула в грудь пальцем.

— Твои плоские шутки как обычно не в тему.

Посмотрел на руку.

— Не такие уж они и плоские.

Схватил тоненькое запястье, сама же дразнит и переступает черту какой раз подряд. Либо совсем не опытная, либо неплохая актриса. Хотя, может и то, и другое.

Убираю кисть вниз и второй притягиваю за талию. Шугается, упираясь свободной в грудь и заранее отдаляясь подальше... Боже, этот её стан просто восхитителен.

— Ррравиль... отпусти немедленно... – Вздрагивают её губы. Улыбнулся.

К черту, порхай, мой мотылек, всё равно к утру подохнешь.

Отпустил руку и доброжелательно улыбнулся. Неплохой из меня актер, что ни говори. Отпрыгнула, не сводя с меня глаз. А надо бы бежать. Опять забыла? Натаскать бы её по самообороне, конечно...

— Кулон хотел рассмотреть. Что это за камень?

Схватила за безделушку, крепко сжав свои пальчики.

— Нефрит.

— Камень жизни вроде?

А взгляд-то поменялся... да уж, хоть где-то пригождается мамкино увлечение – я теперь благодаря всем её коробочкам девок могу хомутать, надо маме тортик купить сегодня. Поблагодарить... и забрать уже эти чёртовы детские вещи.

Ну и чего молчим?

— Куда уезжаешь-то? Тебя проводить?

Конечно же, не ответила. Развернулась и пошла к двери... ой, надоела уже!

В два счета приблизился, выхватив сумку.

— Эй!

— Я провожу.

— Отдай! Ты..

Попыталась вырвать, поднял руку кверху.

Ну давай, мотылёк, попробайся ещё раз, приближайся ко мне, ну?

Замерла от моей улыбки, поджала губы и пошла наконец надевать обувь.

— В другой город.

— Домой?

Кивнула.

— К родителям? А кулон зачем?

— Не твоё дело.

Рассмеялся, обулся следом.

— Ну, Катерина, шо Вы начинаете? Нормально же обща-

лись.

Спустились вниз, заметив на первом этаже какую-то излишне заинтересованно поглядывающую старушку, что только в след нам с Катькой не крикнула «ходят тут всякие, сквозняки пускают, шантрапа!». Прямо зуб даю, что хотела.

А Катрин идёт немного впереди, колышется в такт песенке, напеваемой под нос. Волосы движутся в такт, слегка убегающими волнами от небольшого ветерка... О, достижение, я наконец-то оторвал взгляд от её задницы. Хотя нет, вру - не оторвал.

— Катюш.

Обернулась, вопросительно посмотрев.

— Дай руку.

Опять губы сжала, уже решила развернуться обратно.

— Милая моя, хватит бояться.

Прямо-таки плечи вверх поползли... улыбнулся вновь.

— Страшно? Давай так, если хочешь, чтобы взял за руку, так и стоишь, пока я считаю до пяти.

Рядом проходит старичок, опираясь на трость, наблюдая за тем, как двое молодых-красивых замерли возле калитки. Интересно, Стасик на месте? Хотя сегодня суббота, может и где-то у другой церкви, где прихожан побольше.

— Если же нет, - продолжаю после многозначительной паузы, - просто разворачиваешься, и идём дальше.

О, вот это я понимаю внутренняя борьба! Ночь с ней в одной квартире поспал, а уже засомневалась. Ха, забавно.

— Раз.

Стоит.

— Два.

Глаза молят о пощаде, но сама ж не дёргается.

— Три.

Вздрагивает и уже хочет развернуться..

— Четыре-пять. – На одном дыхании подаюсь вперёд и хватаю за руку. Теплая нежная ладошка, такая маленькая и хрупкая по сравнению с моей. Сильнее сжал ее попытку вывернуться. – Зачем на бокс-то записалась?

Еле успела унять дрожь, вымолвив:

— Захотелось.

Медленно идём с ней рядом, я пытаюсь шутить после не самого весёлого похмелья, а она сторонится и стесняется каждого взгляда встречного прохожего. Мне хочется закрыть её своим потрепанным пиджаком и прижать к себе крепче... наверное, я, правда, вчера перебрал.

Проводил до автовокзала, только возле маршрутки отпустив её. Вся покраснелась, словно за руки ни с кем не держалась. Не стал даже пытаться поцеловать. Милая такая. Даже жаль её немного. Она на это сказала бы, наверное, "Себя пожалей лучше..." и добавила бы "Пожалуйста."

Зашёл в первый попавшийся гипермаркет, купил пакет жратвы. Сегодня вроде Светошевы должны явиться, а у нас холодильник пустой, Леська точно будет возмущаться. Так, а сейчас на тренировку, потом и к маме можно заскочить...

О, я, кстати, так и не спросил, когда Катька вернётся... хотя, какая разница? Всё равно во вторник придёт. Так... а "Аккорд" свой я вчера вроде у зала оставил? Да, точно!

Отработал, съездил до матери, вручив заранее купленный торт, стараясь, как обычно, не заходить в дом отчима и поскорее забрать пакеты с каким-то тряпьем.

Светошеры так и не приехали, свалили со своей собачатиной куда-то за город... на пляж вроде, даже меня не позвали. Ладно, шмотки потом отдам.

Уехал домой, сам поражаясь тому, насколько заиклился на этой мелкой девчонке. Нет, надо попытаться переключиться на кого-то ещё... надо переключаться.

"Hello, hello, hello, how low?"

Черт возьми, Равиль! Уже третий час ночи, хватит смотреть на зелёный огонек в её профиле! Может, написать ей, а? Нет, точно нет!

Шестой вдох.

Поминутно, построчно

Рав

Обновляю её страницу снова и снова. Не могу отделаться от мыслей, гоняя их словно лошадей по ипподрому. Чёрт, чем она занимается? Может, болтает с кем-то или смотрит кино? Едва ли зависала в каком-то клубе, не похоже же на неё. Интересно, в её городке вообще есть они? Да, наверное, как и везде.

Ну и какого черта я ищу в поисковике все притоны этого места обетованного, а?

Откинул смартфон. Ушел на кухню, налил воды, залез на подоконник.

А может, парень у неё там? Ну, мало ли. Вдруг, я всё-таки ошибся? И кулончик этот от него? Вполне логично же. И сейчас Катеринка тихо стонет, сгорая от поцелуев какого-то козла... а может и не тихо, кто её знает. Ну один хрен — козла.

Кулак как-то сам собой в подоконник влетел... что это мы злимся? Выдохнул. К черту... к черту!

Хотя нет, едва ли тогда была бы в сети. Ну, по крайней мере... я бы ей точно телефон в руки не дал. А если и есть, и даёт, значит — точно сам подвинется.

Вскочил и сбегал за смартфоном, вернулся на то же место. Что я решиться-то не могу? Не ребенок же.

Кликаю «Подписаться», мгновенно считываю изменившийся виджет с отправленным уведомлением. Вроде бы такая мелочь, а сердце сжимается, как в первый раз. Да, давно меня так не пробиало.

Ответит или нет? Скорее всего нет.

Время переливается в десятки минут. Я так и сижу на подоконнике и постоянно обновляю её страницу, обнадеживая себя тем, что она просто не видела, может, даже спит уже давно, забыв выйти из социальных сетей.

— Кать, ну что тебе стоит-то, а? – Тихо шепчу себе под нос, не в силах оторваться от телефона. – Сложно что ли?

И тут же приходит подтверждение заявки. Ха, отличненько! Аж чуть не подпрыгнул тут же.

Посмотрел в окно... снова движение между четвертым и шестым. Она спит когда-нибудь вообще или только следить и умеет? Блин, надо было хоть футболку надеть, опять про эту мелкую забыл.

Спрыгнул, отправился на диван. Лег на живот и смотрю теперь на экран, не переставая улыбаться.

А информации о ней-то почти и нет на странице. Пара фотографий с пейзажами и одна неуверенная – себя. Слегка испуганный взгляд и натянутая улыбочка, так, скорее ради приличия, чем взаправду. Кажется, я всё-таки был прав по поводу комплексов. Ну и что за ними стоит? Ладно, узнаем.

"Друзей" тоже не больше пятидесяти, это Вам не мои 5 тысяч... И зачем меня тогда добавила? Поэтому медлила? Сомневалась? Со школы её особо никого, не то, что у меня – чуть ли не весь класс в сборе, столько лет прошло. Хулиганье, в конце концов, выросло и слегка поумнело, да и я давно научился ставить на место...

Музыку с видеозаписями скрыла, вот же мотылёк, а! Эй, дай мне зацепку хоть какую-нибудь ещё. Где эти милы сопливых цитаток, где ноготочки с бровками? Ладно, черт с тобой.

Даже у Светошевой вся страница забита этим.

Ну нашел с кем сравнивать... Этот рыжий бронепоезд уже давно Никитку под себя подмял. Ему бы только об этом не ляпнуть, а то опять отхвачу.

Кликаю на личные сообщения. Касаюсь клавиатуры более уверенно.

3:46 Я: Не спится? Как добралась?

3:48 Кэти:Нет, всё в порядке.

Да что ты совсем со мной говорить не хочешь, а? Хотя, ответила же. Выдохнул и чуть не закашлялся от прочитанного далее..

Катерина набирает сообщение.

3:49 Кэти:Ты почему не спишь? Прошла голова?

3:50 Я: Не спится. Ага, спасибо, всё отлично.

Идиот. Что как первый раз-то, куда все мысли делись из башки?

3:53 *Кэти*: Ясно.

3:53 *Я*: Что сейчас вокруг тебя? Что за окном?

Неее, Рав, ты, черт, серьезно? «Что у тебя за окном?» — да ночь там, что еще-то!? Просто, блин, спроси прямо, спит она с кем-то или нет... Хотя, какая мне разница, даже если и спит! Почему каждая минута так тяжело даётся-то?

3:58 *Кэти*: Форточка приоткрыта, слушаю стрекот сверчка и смотрю на Луну зачем-то. Рядом? На ногах спит кошка, изредка посапывая. Напротив — на стене фотография мамы с отцом, но в темноте очертания почти не разобрать. Я столько раз видела её в детстве, что кажется, уже и так могу описать это фото, даже не всматриваясь.

Перечитываю и не верю, что она это написала... Снова печатает.

3:59 *Кэти*: Извини, это бред какой-то. Спокойной ночи.

3:59 *Я*: Стой. Подожди.

4:00 *Я*: Я позвоню?

Блин, будто ответит.

Нажимаю на вызов в углу экрана и слушаю гудок за гудком. За стеной снова шумят соседи, а я их только заметил. Ну, возьми, пожалуйста, Кать... возьми.

Первый вызов не отвечен.

4:03 *Кэти*: Не стоит.

Снова слушаю гудки. Протяжно, растянуто.

— Ты ненормальный. — Разносится тихое звучание нежной арфы в этом гадюшнике... Задерживаю дыхание, не сра-

зу ответив.

— Поговори со мной. Что на той фотографии? Свадебная?

— Да. — Замолчала, словно оценивая, стоит ли решаться говорить дальше. — Знаешь, у мамы там такие кудри с начёсом, ну, которые были поголовно у всех в девяностые. Белое платье с кринолином. Оно до сих пор пылится в одном из шкафов. В руках небольшой букетик полевых цветов.

— И фата?

Раздается тихий выдох сродни небольшой улыбке. Вслушиваясь, словно нахожусь с ней рядом, явно не на расстоянии пятидесяти километров..

— Куда же без неё.

— У неё, наверное, твои глаза и улыбка?

— Эй, как ты догадался? — Взволнованно зашебетала, забыв о шепоте.

— Просто предположил, Кать. Знаешь, сдаётся мне, ты очень похожа на свою маму, хоть я её и не видел... Тихая, мирная, спокойная.

Если бы вы ещё оставались такими, а не предавали при первом удобном случае... Ладно, упустим.

Наверное, лишнего сказанул. Замолчала, заставив возвратиться в эту халупу с орущими благим матом соседями.

— Не пугайся.

Молчит..

— Кать..

— Папа, знаешь, тоже улыбается. У него такой дурацкий малиновый костюм... Мне кажется порою, что это единственное, где я видела его улыбку... да и оба они здесь такие счастливые.

Чувствую, как слегка защемило, дрогнул голос. Эх, Катерина, лучше бы ты фатой восторгалась.

— Я понимаю. Но уверен, что это лишь маска.

Даже не думает ответить, только протяжно выдохнула, думая, что я не услышу.

— Тебя же невозможно не любить.

Опомнилась, мгновенно собравшись и быстро простибав..

— Перестань. Извини ещё раз. Спокойной ночи.

— Подожди, не отключайся. Кать, так какая там сегодня Луна?

— Посмотри сам.

— Мне не видно, в окно светит фонарь, вид закрывает соседняя пятиэтажка.

Снова прерываю её молчание.

— Включишь видео?

— Нет! Нет уж, точно нет!

Слишком явно отрицает, вновь забыв про громкость. Улыбнулся, нажимая на ту самую кнопку. Секундное ожидание и загрузка включающейся камеры.

— Привет. – Поворачиваюсь на спину и держу телефон на вытянутой, смотря на своё отражение. Футболку так и не

надел, но едва ли она испугается одних плеч. — Ну, как я тебе? Красавчик, правда?

— Скромности не занимать.

Дернул бровью, не стирая с лица довольную улыбку. Не отключилась же... черт, восхитительно! Словно старшеклассник, ей Богу!

— Твоя очередь, Катюш.

— Нет уж, точно нет!

Чувствую, как улыбается.

— Ну просто покажи мне Луну, Кать... и кошку, какая там у тебя кошка?

Скользнули смешинки и небольшой шорох.

Через мгновение включила камеру. Едва различимый чёрно-белый комочек на её подогнутых ногах, спрятанных за светлым платьем. Так, спокойно, Рав, оставь мысли при себе, не порти момент.

— Красивая.

— Только ей уже одиннадцать.

Кошка, словно почуяв, что говорят о ней, подняла голову и тут же перевернулась на спину, слегка потянувшись. Катя же перевела камеру к окну. Едва различил промелькнувшие старенький ковер, массивную батарею. В ответ нам, и правда, светит красноватая Луна, укрытая наполовину.

— Телефон особо не передаёт.

— Да нет, вижу. Ты права, сегодня она прекрасна.

Отключила камеру. Уже подумал, что явно отключится

следом, но вновь прошептала.

— Почему ты не спишь?

— Не хочется.

Разобрал лёгкий шорох.

— Ложишься?

— Наверное, да.

— Когда обратно?

— Завтра вечером, последний автобус в четыре, знаешь, это так неудобно, а если кто-то...

— Слушай, давай я тебя часов в девять заберу? Погодишь подольше.

Замолчала...

— Кать, учись соглашаться уже, мне же не сложно.

— Нет.

— Не придумывай лишнее. Мне всё равно вечером нечего делать, да и до города твоего всего ничего.

— Нет, это неправильно, да и..

Замолчала.

— Что? Ну, договаривай.

— Не хочу, чтобы тебя родители видели.

Рассмеялся... Да ты мой сладкий ребенок на третьем десятке..

— Ну, блин, скажи, что подруга... Брутальная такая под два метра, с лёгкой щетиной, неплохим прессом, ну и... мучающаяся по утрам от..

— Замолчи-и-и.

Всё-таки рассмеялась.

— Ну, красивая же баба из меня получится, правда же?

— Блин, Равиль, не смейся, пожалуйста..

Я улыбаюсь её голосочку и стараюсь запомнить эту интонацию... искреннюю, нежную.

— Ну, так как? Красотка? Красотка же, да? Кать, огонь же баба, а?

Достучался-таки.

— Да.

— И что тебе в ней нравится?

— Ямочки, когда улыбается. — Выпалила, а я замер, впервые не справившись с потоком её наивности.

Выдохнул.

— Кать, я приеду завтра. Так что даже не думай уезжать, ясно?

— Но..

— Всё равно приеду, даже если уедешь на автобусе, чтоб он у тебя по дороге, кстати, сломался. Потом будешь мучаться угрызениями совести... Я тебя во вторник доконаю этим, поверь мне!

— Блин, ну, ладно.

Улыбнулся, черт возьми, она вообще заметила, что отвечает на лёгкий флирт?

— Я напишу тогда адрес, скажу, где лучше остановиться, чтобы вопросов ни у кого не возникло.

— Будем скрываться?

— Да. Я отправлю тебе тайный шифр, капитан. — Заговорчески шепчет она, не в силах скрыть смешинки. Ох, Кать, почему ты не рядом... — Только следуй моим указаниям.

— Милая, не говори так...

Тут же собирает расплескавшиеся эмоции.

— Как? Почему?

— Кать, мне ничего не стоит сорваться сейчас, найти тебя и переступить через твой страх оказаться со мною рядом.

Отключилась... так и знал.

Смотрю на белое мерцание. Испугалась всё-таки, а я даже и тысячной доли своего напряжения не сказал.

4:41 *Кэти*: Лихвенцева, 107. Возле пустыря. Спокойной ночи, капитан.

4:42 *Я*: Сладких снов, моя принцесса.

Господи, выплыть бы потом самому. Надо отвлечься, черт возьми! Хватит улыбаться так, Рав! И-ди-от.

Катерина

— Мам, она просто по пути здесь, заберёт меня. — Собираю свои вещи и стараюсь не оборачиваться к дверному проёму.

— Кать, уже так поздно, может, ты лучше завтра поедешь? Улыбнулась, остановившись..

— Мамуль, я же уже не маленькая.

— Да, я иногда забываю об этом. Знаешь, папа с вахты звонил, передавал привет.

Киваю, прекрасно понимая, что это не так. Не стал бы, не в его характере. Он же у нас ух-какой, не до проявления чувств ему.

— Когда он возвращается? — Спрашиваю ради приличия.

— Так через две недели, Катюш.

Беру свои вещи, целую её в щеку, глажу Муську. Накидываю кофту, читая его сообщение и стараясь не краснеть перед мамой.

— Мамуль, я позвоню, как приеду.

— Может, Рината всё-таки тут переночует, а? Куда в такую темноту..

— Мам, не начинай.

Вновь целую её и выхожу за дверь. Спускаюсь по лестнице и замечаю силуэт новоявленной Ринаты впереди.

— Блин, я же просила ждать в машине.

Снова забирает сумку, улыбнувшись. Кидает на заднее сиденье, уже хочу сесть следом, но он берет под локоть и ведёт вперёд.

— Блин, я поняла, отпусти.

Открыл дверь, усадил. Вдохнула цитрусовый аромат салона. Застегнула ремень. Он наконец сел рядом и посмотрел на меня.

— Как доехал?

— Поплутал у вас, но потом вспомнил про навигатор.

Впервые говорит сейчас, отчего стремительно отворачи-

ваюсь, боясь, что даже в темноте мои щеки пылают красным. Уф, Кать, вы просто вчера говорили, ничего же не было. К тебе же подкатывают на свадьбе, а тут-то что!?

Выехали. Откинулась на спинку и закрыла глаза, изобразив напускную усталость. Это лучше, чем перебирать крупинки ощутимого молчания. Чувствую, как иногда посматривает в мою сторону.

— Кать, куда тут? Телефон выключился.

Открыла глаза, сориентировавшись, какую улицу проезжаем.

— Налево, потом по плотине прямо и..

Улыбнулся.

— Не так быстро, принцесса.

Ну, блин. Опять отвернулась.

Выехали на трассу, включил радио, вновь закрыла глаза. Так непривычно находиться с ним рядом. Зачем я вчера позволила ему... зачем добавила? Зачем всё это сейчас? Зачем...

Очнулась только от света уличных фонарей.

— Блин... — Подскакиваю и вытираю губу.

Он смеётся и выворачивает на главное шоссе.

— Ты очень мило сопишь.

— Извини, пожалуйста.

— Спать надо раньше ложиться. — Кидает он, не смотря на меня.

— Кто бы говорил. Ты вообще спал?

Помотал головой.

— И работал?

Кивнул.

— Ты чокнутый?

Снова кивнул. Ну, да, действительно, могла и не спрашивать.

— Слушай, езжай лучше домой тогда.

— Нет.

Посмотрел на меня.

— Кать, я переночую у тебя?

— Вот ещё!

— В той комнате. Сложно тебе что ли?

— Да, блин, сложно. Останови машину, пожалуйста.

Усмехнулся. Выпала, закрыв лицо рукой.

— Я серьезно думала, что ты просто подвезешь, думала, заплачу за бензин, блин... О, вот же я идиотка...

— Посмотри на меня.

Нет уж.

— Кать, не придумывай лишнее. Посмотри на меня.

Подняла глаза.

— Так-то лучше... В общем, если коротко, я терпеть не могу свою квартиру, стараюсь там вообще не появляться. Вместо бензина, просто пусти к себе, обещаю под утро свалить и не тронуть без твоего согласия... В конце концов, я же тебя бухой не тронул? Нет? Нет. Тогда чего боишься?

Себя боюсь, кажется... себя саму.

— Ну?

— Нет.

Улыбнулся.

— Это твой окончательный ответ?

— Конечно.

Седьмой вдох. Ночной тишиной

Катерина

Отстегивает ремень следом за мной, касается ручки двери.

— Рави-и-иль! – Замираю, так и не открыв свою.

Улыбнулся, откинулся на спинку, посмотрел на меня, передавая взглядом посыл наглого чеширского кота, который явно не понимает, почему его остановили. Да, действительно, что такого-то..

— Нет. Я сказала, что не пушу.

— Совсем?

— Конечно!

Наигранно вздохнул и постучал пальцами по рулю.

— Тогда поехали заправимся, раз предлагала.

— Давай, я просто деньги переведу? – Только коснулась ручки, нажал на кнопку блокировки. – Эй! Ну-ка, открывай давай.

Снова растянул свои губы и помотал головой.

— Равиль, блин! Да чтоб я тебе ещё раз поверила! – Выпалила в сердцах, так и дергая эту дурацкую дверь. Усмехнулся.

— Поверишь, милая, и не раз.

Ну замечательно, а!? Хорош капитан!

Рав

Медленно движемся в сторону ресторана, а она даже не пытается смотреть по сторонам. Надулась и периодически бубнит, стоит мне только проехать мимо очередной заправки. Миленькая такая.

— Мясо-то хоть ешь?

О, первые признаки жизни.

— Да ну неет... Н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.